

От победителя премий «Еврокон»//лучший дебют,
«Бегущая по волнам», «Книга года по версии Фантаста»

КАРИНА ДЕМИНА

ОПЛОТ
ДОБРОДЕТЕЛИ

Карина Демина
Оплот добродетели
Серия «Идеальное фэнтези.
Романы Карины Деминой»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68963352

Оплот добродетели: [роман] / Карина Демина: АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-149800-9

Аннотация

На борту звездного лайнера «Принцесса Аула» судьба свела самых разных людей. Ищет приключений наследница славного рода Эрхардов Шарлотта, вырвавшаяся на свободу из плена строгих нравов Новой Британии. Желает ярких впечатлений славный Диктатор Ах-Айора Данияр Седьмой. Медленно восстанавливается после неудавшегося покушения известный ученый Тойтек. И ждет удобного случая, чтобы завершить начатое, наемный убийца, вычислить которого пытается наемник Кахрай. У него простая задача – сохранить клиенту жизнь.

А мир спасти он не подряжался.

Никто не подряжался.

Оно как-то само получилось.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	39
Глава 5	51
Глава 6	67
Глава 7	77
Глава 8	88
Глава 9	105
Глава 10	120
Глава 11	131
Глава 12	145
Глава 13	161
Глава 14	179
Конец ознакомительного фрагмента.	180

Карина Демина

Оплот добродетели

Идеальное фэнтези. Романы Карины Деминой

© К. Демина, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

...Он прижал ее к могучей груди, и она ощутила, как зеркало его мужественности уперлось в живот. Колени ослабли. А сердце заныло, предвкушая грехопадение...

Элиза отложила планшетку и сдавленно поинтересовалась:

– Зерцало мужественности?

Она хрюкнула, с трудом сдерживая смех.

– Ну... – Лотта поерзала, прижимая пачку листов к груди. Печатать книгу смысла не было, но вот как-то с распечатанной ей было легче, что ли. – Как еще это назвать?

– А как оно называется?

– Неприлично.

– Ага... и дальше... ее рука мощно обхватила это самое зеркало... знаешь, дорогая, не все мужчины любят, когда кто-то обхватывает их зеркало. Тем более мощно.

– Думаешь, лучше написать, что трепетно?

Элиза плюхнулась на козетку и вытянула ноги, которые были, безусловно, хороши, хотя ее привычка выставлять эту красоту на всеобщее обозрение несколько смущала Лотту, как, впрочем, и чересчур уж вольные манеры кузины.

Та вытащила из сумочки портсигар, а из него мундштук и черную тонкую сигарету, которая гляделась весьма есте-

ственным продолжением этого мундштука.

– Дорогая, – щелкнул камень-зажигалка, породив тонкую нить огонька, – дай мне уложить это в голове. Ты хочешь написать неприличную сцену, используя исключительно приличные слова?

– Д-да, – Лотта вздохнула и отложила рукопись, которая была почти готова.

Ну как почти...

По мнению Лотты, рукопись была готова совершенно, но вот мистер Нигби, редактор, так не считал.

– И зачем тебе? – Элиза приподняла бровь. – По-моему, до этого времени ты прекрасно обходилась поцелуями. Ну, не то чтобы ты, но твои эти... прелестные девственницы.

Она фыркнула, выражая свое отношение к несчастным девственницам, которые упрямо хранили свое целомудрие, несмотря на происки роковых красавцев, чем, несомненно, весьма благотворно влияли на этих самых красавцев, заставляя их пересмотреть всю свою жизнь и осознать, что истинное счастье мужчины – именно в браке.

С девственницей.

Да.

А потом случалась свадьба, и полумрак супружеской спальни оставлял все неприличные фантазии на откуп благодарным читательницам.

Лотта снова вздохнула:

– Мой издатель считает, что продажи падают потому, что

читательницы хотят... погорячее. Чтобы в книге было это.

– А то? – оживилась Элиза, которая аккурат к указанной части жизни никаких предрассудков не испытывала. Нет, замужем она побывала трижды и всякий раз счастливо, после чего, не особо чинясь, жила то с одним, то с другим женщиной.

– И то тоже... но... я... я пыталась, однако, как видишь... – этот вздох получился особенно душераздирающим. И Элиза участливо покачала головой. – Не получается. Опыта не хватает. Я купила книги... особые... ну...

Лотта ощутила, как краснеют уши.

– Однако это техническая сторона. И я использовала, но все равно.

– Использовала? – глаза Элизы сверкнули. – И что именно?

– «Огонь страсти». «Наставления юной девы». И «Как разнообразить супружескую жизнь»... а еще «Тысяча и один способ сыграть на нефритовой флейте, или Как упрочить свое положение в гареме и стать любимой женой».

Нет, были еще книги. Тема плотских взаимоотношений оказалась вдруг весьма обширной и разнообразной, правда, крайне неприличной.

– М-да... – только и смогла произнести Элиза. – Будем считать, что ты у нас самая теоретически подкованная девственница в этой части Созвездия. Давай-ка свои бумаги, в этом и вправду что-то есть... ага, все давай... и вот то тоже.

Она листала несчастную рукопись, время от времени останавливаясь, чтобы хмыкнуть, фыркнуть, а один раз откровенно засмеялась. И это – проклятье! – было обидно. До слез в глазах обидно, хотя Лотта искренне и любила кузину, которая единственная, пожалуй, из всех родственников не считала Лотту слегка ненормальной. А если и считала, то мнение свое держала при себе.

– Так, дорогая... – струйка дыма устремилась к потолку, а в гостиной запахло копчеными яблоками. – С этим давно следовало разобраться.

– С чем? – Лотта сгребла листы и прижала их к груди. Нет, копия романа у нее оставалась, и не одна, включая ту, что автоматически отправлялась в защищенное семейное облако, но... почему-то ей всегда было страшно, что с рукописью что-то да произойдет.

– С технической точки зрения, конечно, все довольно-таки бодро... признаю. – Элиза хихикнула и, не выдержав, засмеялась во все горло. – Но... зеркало мужественности... оплот добродетели... боже... – Элиза смеялась так заразительно, что Лотта и сама не удержалась.

О да, она чувствовала, что с этими сценами не все было ладно. Но ведь она старалась.

И лучше вряд ли получится.

– Извини, – Элиза икнула и зажала рот рукой. – Не хотела тебя обидеть. Но да, тебе нужно избавиться от этого...

Она махнула подбородком и весьма выразительно посмот-

рела на платье. На низ платья. Лотта одернула чересчур тонкие юбки.

– От панталон? – без особой надежды уточнила она.

– И от них тоже. Без этого, подозреваю, оплот твоей добродетели падет не скоро. Если вообще падет.

Лотта покраснела.

Она всегда краснела слишком легко, к огромному неудовольствию бабушки, полагавшей, что эта вот легкость есть явственное свидетельство простонародной крови, которая в силу отцовской безответственности примешалась к благородной крови рода Эрхард, окончательно испортив последнюю.

Еще ей не нравились веснушки.

И непослушные волосы Лотты, которые имели обыкновенные виться, и ни щипцы, ни патентованные средства для выпрямления, ни даже родовые секреты рода Эрхард не могли справиться с этакой напастью. Бабушке даже предлагали просто полностью удалить волосяные луковицы, заменив их на те, из которых волосы вырастут правильные, тонкие, светлые и прямые, как у кузины. Но бабушка почему-то отказалась.

К счастью.

А вот с румянцем она совладала.

Каша на воде. Корсет. И плотно задернутые шторы в купе с легкой жемчужной пудрой приблизили цвет лица Лотты к идеальному.

– Послушай, – Элиза стряхнула пепел в фарфоровую кружку с чаем и пересела на козетку. Она взяла руку Лотты в свою и заговорила тихо, спокойно. – Тебе уже двадцать пять. И если невинная девица в шестнадцать – это мило, в семнадцать, пожалуй, тоже мило, то в двадцать пять – чересчур.

– Я понимаю.

Плечи Лотты опустились.

Она и вправду понимала. И что бабушка, опасаясь получить очередного бастарда, которыми род Эрхард на свою беду обростал весьма стремительно, несколько переборщила со строгостью воспитания Лотты. И что мир, где ценилась невинность, остался в прошлом. И что лучше бы там остаться и самой Лотте. Она и приготовилась.

Морально.

Даже кошку себе присмотрела, хотя кошек бабушка тоже не жаловала.

– Вздорной старухи уже пару лет как нет, а ты все тут, что принцесса в башне, – докуренная сигарета отправилась в чашку. – Я вообще не понимаю, зачем тебе эти романчики. Ты же законная наследница Эрхардов. Твое состояние...

Перевалило за триста миллиардов крон. Лотта знала. Ей ежедневно отправляли сводки, да и с управляющими, как и с директорами, она встречалась регулярно. Как ни странно, эти обязанности, доставшиеся Лотте в наследство вместе с родовым особняком, перстнем и графской короной с девятью топазами, нисколько не тяготили Лотту. Они были при-

вычны, обычны и не вызывали ничего, кроме легкого раздражения, когда отрывали от дела действительно интересного.

– Ладно, высший свет тебе мало интересен...

Лотта кивнула.

– И замуж ты идти не хочешь.

Она вновь кивнула. Не хватало к нынешним обязанностям, которые порой требовали весьма пристального внимания, добавлять новые. Хотя брачные предложения секретарям поступали регулярно.

– Но почему ты просто не нашла себе любовника?

– Где? – обреченно поинтересовалась Лотта.

Она ведь не глупая.

И живая. И порой появлялись в душе... и в теле тоже томления престранного свойства, от которых не спасали ни прописанный бабушкой холодный душ, ни молитва, ни даже ночные пробежки вокруг поместья. К последним слуги давно уже привыкли.

– Не знаю. Прими любое приглашение. Приходят ведь пачками. Выгуляйся вечерок. Заодно присмотришься к кандидатурам.

– Я уже присматривалась, – Лотта поморщилась, вспомнив свой последний неудачный выход в свет.

И Элиза поняла:

– Да... неудачно вышло.

Бабушка не была совсем уж затворницей и балы посещала. Некоторые. И Лотту с собой иногда брала. Правда, ни бе-

седовать с кем-то, ни тем паче танцевать с кем бы то ни было Лотте не позволялось. А в тот единственный раз, когда Лотта решила принять приглашение в роли новой главы рода...

Возможно, строгое платье в пол было неудачной идеей.

И волосы не стоило зачесывать гладко, как и проводить радикальное отбеливание кожи. И вовсе следовало вести себя посмелее, а не скрываться в углу... но это еще не повод, чтобы обзывать ее Эрхардским Драконом.

Не дракон она. И не страшилище. И тот разговор... неприятно было слушать, как ее обсуждают, и весьма ядовито, но не скрывая при том интереса. К деньгам. Ведь что может быть проще, как отобрать состояние у глупышки, которая не знает, что платья в пол давно уже вышли из моды.

Какое отношение мода имеет к финансам, Лотта так и не поняла.

– Да и не хочу я... сама понимаешь, стоит слухам пойти, потом не отмоешься, – Лотта аккуратно выровняла рукопись. – В конце концов, обойдусь и без этого. Если понадобится, куплю себе типографию и буду издаваться.

– Но это будет не то, – сказала Элиза, озвучив собственные мысли Лотты. – Нет, ты права, с нашими бездельниками связываться не стоит. Кроме того, не думаю, что тебе и вправду нужен какой-нибудь золотой мальчик...

Она призадумалась.

И Лотта сидела тихо-тихо, не желая мешать кухне. Одновременно надеясь, и что той удастся решить проблему, и что

решение это никоим образом не затронет привычный образ жизни Лотты.

– Есть! – Элиза вскочила, и коротенькая юбка ее задралась, обнажив кружевной край чулка. – Я поняла. Ты не можешь выйти как Шарлотта Доминика Луиза Аннабель Октавия Эрхард, но ты вполне можешь поехать как Лотта Харди!

– К-куда поехать?

– В круиз, – Элиза закружилась по комнате. – Давно следовало тебя отправить, а я все собой занималась. Прости меня, Лотти...

– За что?

– Да и всех нас... – она остановилась перед огромной вазой, доставшейся Лотте вместе с прочим имуществом. Ваза насчитывала по меньшей мере два с половиной тысячелетия жизни и стоила порядка двух миллионов имперских талеров, а застрахована была на сумму вдвое большую, хотя страховая и пыталась пересмотреть договор после смерти бабушки. Все почему-то вдруг решили, что Лотта слишком молода и ничего не понимает в управлении финансами.

Как будто не она с пятнадцати лет этими самыми финансами занималась.

– Нам было удобно. Состояние растет, проценты выплачиваются вовремя, – Элиза заглянула внутрь вазы, где наверняка было пыльно, поскольку дом требовал куда большего количества прислуги, но в последние годы посторонние люди бабушку раздражали, а сама Лотта так и не нашла в себе

сил что-то да поменять. – Ты не читаешь нотаций, не требуешь хранить честь рода, не грозишься заблокировать кредитные карты. Тебе не нужно наносить ежемесячные визиты и тратить пару дней, чтобы соблюсти какие-то там замшелые правила. Ты устраивала всех. И устраиваешь. Скажу больше, если бы вдруг нашелся кто-то, за кого бы ты захотела выйти замуж, и матушка, и ее сестры, и братья, и все, кто имеет отношение к клану, нашли бы способ расстроить свадьбу. Но это категорически неправильно. Если ты сойдешь с ума от одиночества, никому не станет легче.

Лотта пожала плечами.

К одиночеству она привыкла. Если подумать, она всю свою сознательную жизнь была одна, разве что в тот короткий период времени, когда бабушка считала Лотту ребенком, ей полагалась няня. Затем няня сменилась гувернанткой, а после десяти лет и та исчезла, ибо истинная Эрхард не должна привыкать к роскоши. Лотта научилась справляться сама. И даже получала удовольствие от того, что никто-то больше не следит за правильностью осанки и не требует заучить наизусть тридцать две формы вежливого отказа...

– «Принцесса Аула», – Элиза крутанулась на каблуках. – Вот то, что тебе нужно. Роскошный лайнер. Путешествие, продолжительностью в месяц... месяца достаточно, чтобы ты кого-нибудь да нашла.

– На лайнере?

– Именно, – она вернулась и плюхнулась рядом. – Смот-

ри, во-первых, тебя там точно не узнают... нет, если ты выйдешь без пудры и перестанешь мучить волосы, тебя и здесь не узнают. Но там – определено. Твои портреты, те, что есть в «Родоводе», мягко говоря, далеки от реальности. Поэтому слухов можно не опасаться. Документы... ты ведь по матушке и есть Шарлотта Харди, верно?

Документы имелись. Их Лотта сделала, когда решилась-таки предложить издателю первую свою рукопись, крепко подозревая, что бабушка не одобрит, появишься честное имя Эрхардов на обложке любовного романа, пусть этот роман и вышел весьма неплохим.

– Отлично. А родовые грамоты брать вовсе не обязательно. Клеймо пластырем заклеишь, если что. Да и вообще... Что еще? Гардероб подходящий я тебе подберу... а там сме-на обстановки, звезды, пляжи и прочая романтика. Только панталоны свои дома оставь.

Вот ведь.

И чем ей панталоны не угодили? Удобно же, особенно осенью, когда климат портится и даже защитные экраны не спасают от сквозняков. Но Лотта лишь кивнула. Почему бы и нет?

Конечно, Шарлотта Доминика Луиза Аннабель Октавия Эрхард должна помнить о приличиях и чести великого рода, а вот Лотта Харди может позволить себе небольшое приключение.

Исключительно в познавательных целях.

Глава 2

Одиннадцатый милостью всех Богов Диктатор Ах-Айора, Солнце Нации, Железный Всепобеждающий Полководец, Маршал Могучей Республики, Залог Освобождения Человечества, Блистательнейший Владыка, Прозревающий Пути Грядущего, и прочая, и прочая, изволил предаваться хандре. Он возлежал на подушках, полуприкрыв глаза и сцепив вялые пальцы на обнаженном животе. Над головой диктатора заливались соловьи. Декоративные пальмы раскидывали листья, укрывая от солнца. Где-то рядом журчал ручей, нить которого протянулась по поющим камням Эйго. А в огромной чаше декоративного пруда плавали рыбы.

Молча.

И за это диктатор был им премного благодарен, ибо возлюбленные одару, которым ныне было дозволено находиться подле, щебетали, напрочь заглушая и соловьев, и поющие камни, и друг друга.

– Да кому это интересно! – воскликнула благоухающая драгоценными маслами Заххара. И потянулась, прижалась к боку пышной грудью.

– Всем интересно, – слегка растягивая гласные, пропела смуглокожая Эрра. – Данечка, ты же слушаешь?

– Конечно, – солгал диктатор, не дав себе труда пошевелиться.

– Да вы его уморите своей болтовней, – одару Некко отличал воистину чудовищный рост, могучее телосложение и тихий, незлобивый нрав, который Данияр Седьмой ценил едва ли не больше, чем все прочие, тоже весьма впечатляющие достоинства. – Не видите, он отдохнуть прилег. А какой отдых, когда вы не замолкаете.

– И вправду, какой отдых... – пальчики Эрры скользнули по его груди.

А с другой стороны навстречу им потянулись теплые руки Заххары, и Данияр Седьмой вздохнул. Мысленно. Желания совершать очередной подвиг на шелковых простынях не было никакого.

Но попробуй не соверши.

Мигом слухи поползут по гарему. И главное, обидятся же. Потом поди-ка докажи, что настроения не было, что хандра и вообще жизнь кажется напрочь смысла лишенной, а не новая наложница тому виной. И плевать, что новых наложниц в гарем уже с полгода не брали. Со старыми бы разобраться...

И с бюджетом.

Залия потребовала опаловый гарнитур, а стало быть, придется и остальным что-то выделить. У Мухры опять кожа темнеет, и нужны белые глины с Иххар. А кроткая Мико, потупив глаза и заикаясь от страха, умоляет выделить ее отцу угодыя по левую сторону Ниррхи. Дядюшке Ойеры, которую он принял, слабости поддавшись, нужна лицензия на поставку зеленых вин...

А ведь есть еще и другие.

– Что такое? – поинтересовалась Заххара, и в медовом голосе ее проскользнули нотки недовольства.

– Ничего, дорогая, – Данияр Седьмой приник к губам, от которых пахло розой и сандалом, и постарался проявить должную страсть.

Сад наполнился звуками, на которые поющие камни отзывались возмущенным дребезжанием. И на некоторое время хандра отступила.

Правда, на недолгое.

Чуть позже, уже не в саду, но на Совете, возлежа на подушках и разглядывая премудрых старцев, которые давно уже не были премудрыми, да и до старцев, говоря по правде, слегка не дотягивали, Данияр Седьмой слушал, как герольд зачитывает полное его титулование, и думал, до чего же все это надоело.

Гарем.

Совет.

Жизнь эта вялая. Вот отец его подавил два восстания и завоевал племена халдаев. Правда, непонятно зачем, ибо были они дики и бестолковы, а земли, ими заселенные, представляли собой голые камни. Там даже лишайник рос нехотя. Теперь приходилось ежемесячно отчислять полмиллиона кредитов на поддержку голодающих, помощь сиротам и сохранение культурного наследия.

Дед... тот южных ахейцев с большего вырезал, а оставши-

еся переселились в центральные области, чтобы спустя годы заявлять о бесчинствах прошлого и требовать компенсаций. И попробуй откажи, мигом полетит по сети вой угнетенных. И ладно бы летел, пусть себе бы выли, но следом взвоют дипломаты.

Комиссии сунутся, выясняя, кто кого и когда угнетал...

Может, и вправду казнить? Хоть кого-нибудь – в поддержание славы предков. Мысль показалась вдруг живой и вполне здоровой. Но Данияр вынужден был отказаться: не поймут. Современный мир требовал иной, политически открытой диктатуры, дружелюбной и понятной обывателю.

Так ему сказали.

Он поманил главу службы безопасности и поинтересовался:

– Что у нас там?..

– Где? – Миршар был человеком крепким, внушительным. Всем видом своим он демонстрировал, что власть прочна, а покой и здоровье великого диктатора находятся в надежных руках.

Это тоже утомляло.

– Везде, – со вздохом Данияр приподнялся с подушек. Подумалось, что давненько он не заглядывал на тренировочную площадку. И мышцы ослабли. И даже, стыдно сказать, наметилось мягкое брюшко.

– Мир и покой! – радостно отрапортовал Миршар. И поддержания образа ради ударил латным кулаком по груди.

Грудь была благоразумно прикрыта доспехом, а потому звук вышел громким, заставив диктатора поморщиться.

– Везде мир и покой?

– Так точно!

– А заговоры? – Данияр брюшко погладил, было оно пока небольшим, весьма уютным с виду. И наложницам нравилось.

– Никак нет!

– Совсем нет?

Золоченые рога шлема Миршара переливались на солнце. Грозно топорщились шипы на наплечниках. И чеканный пустынный змей на кирасе застыл с раззявленной пастью, то ли грозясь кому, то ли просто зевая.

– Надо? – осторожно поинтересовался Миршар. – Организуем...

Правда, сказано это было без особой уверенности. И Данияр махнул рукой. Организовать – это не то, совсем не то... да еще и попробуй найди нормального организатора, чтобы не совсем идиот, но без инициативы. Все больше как-то наоборот попадают, без мозгов, зато с инициативой.

Он указал на белую кошму и велел:

– Садись. Тоскливо мне, друг мой.

Миршар испустил тяжкий вздох. На кошму он присаживался осторожно, ибо традиционный доспех столь же традиционно и весил изрядно.

– Шлем хотьними, – попросил диктатор.

– Сам знаешь, не положено... – Миршар принял фарфоровую чашку, которую поднес к лицу. Вытянув губы трубочкой, подул.

Попытался зачерпнуть горсть засахаренных орешков, но пиала треснула.

– Извини.

– Да ничего... Тоска.

– Понимаю.

– И бунтовать никого не тянет?

– Степняки и те попритихли. Растят верблюдов и медуз, продают, да и туристы опять же... Знают, что если бунт, турист не пойдет, – Миршар осторожно сделал глоток.

– А в городах?

– То же самое... вон в Исхалле новую гостиницу открыли. Набияр зовет на источники, двести миллионов в год принять готов, и очередь уже расписана...

– Может, хоть храмы...

– Молчат, – виновато развел руками Миршар. – После того, как ваш батюшка изволил вырезать весь клан Кровавой Луны, объявив себя потомком и единственным жрецом Богини...

Он замолчал, позволяя додумать остальное.

Стало тихо.

Благолепно.

Тошно.

И в последней надежде на чудо Данияр шепотом спросил:

– А братья мои?

– Даршар изволит путешествовать. Отправился на окраинные миры нести свет цивилизации. Фархар медициной занялся. Весьма вам благодарен, что приняли трон. Хороший врач, говорят, один из лучших в нашем рукаве.

Вот так... а ведь и у Данияра задатки имелись.

– Учхарр торговые дела ведет, но вы сами знаете.

Данияр знал.

Братец почти не вылезал из центральных миров, умудрившись и жениться по тамошнему нелепому обычаю, закрыв себе путь и к трону, и к нормальной жизни. Впрочем, торговое сальдо год от года становилось все более и более положительным, а брат – довольным. И, глядя на ухмыляющуюся его рожу, Данияр ощущал себя обманутым.

Он не виноват, что родился старшим.

И что матушка его, ревниво оберегая статус первой одару, не допускала и мысли, что сын не примет отцовский меч... Принял.

Порадовал.

А теперь-то что?

– И народ тоже? – Данияр откинулся на подушки.

Сегодня же он отправится на тренировочную площадку. Вечером. Или, на крайний случай, завтра утром... может, к обеду лучше? Или все-таки вечером? Вечером всяко прохладней. Или поединки устроить? Велеть, чтоб поставили лавки, наложницам понравится, они давно зрелищ требуют,

пусть посмотрят, как Данияр всех побеждает.

И сразу стало тоскливо.

А ведь и вправду победит, ибо иначе невозможно. И отец его оттого перестал брать меч в руки, что не с кем его скрепить было. И сам Данияр...

– Народ счастливо ропщет под вашей стопой, – заявил Миршар, у которого вышло-таки справиться с чаем.

– Сам-то понял, что сказал?

– Правду. У нас ведь диктатура, – Миршар попытался прилечь, опираясь на локоть, но шипы пробили кошму, а следом и толстые перины. – Для поддержания имиджа народ обязан роптать. А уж как он там ропщет – это уже детали.

– Вот и что мне делать? – Данияр давно не чувствовал себя таким несчастным. – Может... соседей завоевать?

– Каких?

Оно и вправду. Мирок этот, предкам его казавшийся огромным, ныне всецело пребывал во власти Данияра. И это несказанно злило.

– Не знаю! Кадорра? До них всего-то два цикла по струне...

– Не-а, – Миршар покачал головой. – Своих звездолетов нет, а на переброску понадобится не одна сотня. Строить дорого. Брать в лизинг тоже прилично выйдет... на свой бюджет не потянем даже с нынешним профицитом. А кредиты на захватнические войны дают неохотно. Противоречит принципам содружества.

Он замолчал, позволяя Властителю дум и Сотрясателю неба смириться с мыслью, что сотрясать придется исключительно местное небо.

Вернув пустую чашку на блюдце, Миршар очень осторожно сказал:

– Ты бы это... к брату наведалься, что ли? Он давно звал. Да и по центральным мирам прогулялся бы...

– Я бы и прогулялся, – Данияр скривился и сел, покосившись на человека, который был подле него с детства и давно уже доказал свою верность хотя бы тем, что искренне разделял тоску по иным, прошлым временам, когда и диктатура была кровавей, и народ неблагодарней. – Да только сам знаешь, второй год согласовать визит не могут... протоколы у них не сходятся. И финансирования не хватает.

– Так... – железные пальцы скребанули по железному же боку. – А ты не через протоколы. Ты инкогнито. Возьми с собой одару, имя другое...

Данияр подался вперед.

– Тут через пару недель «Принцесса Аула» прибывает. Приличный лайнер. У меня брат в прошлом году на круиз ходил. Очень ему понравилось. Потом они идут на Звенящие гейзеры Эххы, к водным полям Миртари...

Прикрыв глаза Данияр понял, что он почти счастлив.

– Заповедники Огры, где разводят драконов... там много чего. Если хочешь, скину программу.

– Скинь, – губы диктатора расплылись в улыбке.

Он наконец-то выберется из дворца.

Из золотого, мать его, дворца, признанного культурным наследием и восемнадцатым чудом света. И разве это не чудо?

– Бестолочь ты, – почти любя сказал Миршар. – Мог бы и сам подумать.

– Мог бы, – Данияр осторожно похлопал друга по колючему предплечью. – А давай я указ издам? Чтоб тебе эти железяки не таскать?

Сейчас ему неистово хотелось творить добро. Но Миршар покачал головой:

– Не стоит. Гвардия должна устрашать, а то туристы не поймут...

Глава 3

Тойтек Винарри осторожно подхватил белую мышь и поднял, поднес к самому лицу. Сквозь углепластиковое забрало было видно, как шевелятся полупрозрачные усы, подрагивают нос и уши. Хвост мыши скользнул по пальцам, и сама она извернулась, явно желая в эти пальцы вцепиться. И пусть сверхпрочный пластик защитного костюма был надежен, но Тойтек предпочел вернуть образец на место.

Проверил данные.

Дважды.

Дал разрешение на копирование. И вернулся к клеткам, что занимали всю дальнюю стену лаборатории. В них место нашлось не только мышам и крысам.

Змеи.

Ящерицы. Пара крупных варанов, что дремали под искусственным солнцем. Собаки мелких пород и даже человекообразные обезьяны, которые встретили Тойтека радостным уханьем.

Все выглядели здоровыми.

И это значило... многое значило.

– Привет, друг, – он протянул пальцы сквозь решетку, и их тут же коснулись другие, темные и сухие, принадлежащие массивному самцу гориллы. – Как ты? Хорошо? Повернись боком.

Горилла наклонила голову и заворчала.

– Лезть не стану, честное слово. Мне нужно удостовериться...

Нет, Тойтек был далек от мысли, что существа эти и вправду разумны, во всяком случае в той мере, которая позволила бы равнять их с человеком. Но Бугай повернулся. И руку приподнял, позволив убедиться, что раны заживают. На темной плоти все еще виднелись язвы, но раны определенно затягивались, а по краям некоторых появилась седоватая, но вполне настоящая шерсть.

Вакцина работала.

И это наполняло душу не просто радостью, но и гордостью. И, оказавшись в бункерной зоне, Тойтек позволил себе рассмеяться. Наверное, со стороны это выглядело глупо, но он поднял руку и помахал в камеру, зная, что Эрика смутится.

Она до сих пор стеснялась смотреть на него, обнаженного. И сейчас наверняка отвернулась, пусть бы и голое тело окутали клубы дезинфицирующего раствора.

Тойтек закрыл глаза.

Раствор оседал на коже крупными каплями, которые собирались в ручейки, а ручейки соединялись в реки, и они сползали по позвоночнику, по животу, по ногам. Таймер отсчитывал оставшиеся секунды.

Дверь в чистую зону открылась с мягким шипением. Всхлипнули поглотители, всасывая остатки дезинфектанта.

Еще немного, и они нейтрализуются в сверхгорячих печах, не оставив вирусу чумы ни малейшего шанса.

Эрика ждала в душе.

Обнаженная. Страстная. Запретная.

– Значит, – она прильнула мокрым телом к его мокрому же телу. – Можно сказать, что у тебя получилось?

– У нас, – Тойтек поцеловал женщину, которая, в отличие от прочих, оказалась достаточно умна, чтобы знать свое место. И это позволяло ему быть великодушным. – У нас получилось...

– И когда ты... доложишь?

– На Кайненской конференции, – он развернул Эрику спиной, и та спешно оперлась на вытянутые руки. Подумалось, что камеры все записывают, но начальник охраны – человек в высшей степени разумный и не вмешивается в дела, его не касающиеся. А отношения Тойтека с лаборанткой, одновременно выполняющей функции секретаря, его совершенно точно не касались.

Эрика была хороша.

– Так до нее еще почти полгода, – с некоторым разочарованием протянула она, послушно выгибаясь. На смуглой коже блестела влага, сквозь которую проступал узор сложной татуировки. Пожалуй, она единственная раздражала Тойтека.

Он не любил модификаций тела. Пусть и столь безобидных.

– Будет время перепроверить результат, – он провел пальцем по ее позвоночнику. – И подготовить доклад.

Эрика мотнула головой.

Упрямая.

Нетерпеливая. Но ей хватало ума скрывать и то и другое, что довольно-таки выгодно выделяло ее среди прочих женщин. Тойтек даже начал подумывать о регистрации отношений. И не столько из-за любви – в любовь он не верил категорически, полагая ее следствием гормонального выброса и эндорфиновой атаки, рожденной инстинктивным желанием особей размножаться.

Но...

Аккуратна. Исполнительна. Напрочь лишена типичных женских капризов. Умеет сдерживать обиды и направлять злость в созидательное русло. И пусть в лабораторию она явилась соискателем, но безропотно – в отличие от предшественницы – приняла новую, Тойтеком установленную роль.

Соискатели ему не были нужны. А вот хороший секретарь требовался. И Тойтек уже успел убедиться, что найти его не так-то и просто.

Скинув напряжение, он отпустил Эрику. Велел только:

– Кофе приготовь.

Говорить с ней о докладе Тойтек не собирался. Заявка была давно подана, но хорошо бы вместе с ней представить варианты действующей вакцины, и не в том, полурабочем виде, на который идет лишь частичный отклик.

Он поднялся на верхние этажи.

Постоял немного, любуясь ледяной пустыней, что простиралась вокруг исследовательской лаборатории. По темному бархатному небу плыли два светила, норovia догнать друг друга. И подумалось, что матери бы понравилось.

Определенно.

Она всегда отличалась воистину женской разрушительной эмоциональностью, которая изрядно попортила Тойтеку крови.

Но вот небо.

Звезды яркие.

И полоса заката вдалеке. Будто льды объаты пламенем. Он мотнул головой, отгоняя наваждение – не хватало еще тратить время на всякую ерунду, и бодро зашагал к лифтовой шахте.

Кофе Эрика приготовила.

И пару свежих круассанов с абрикосовым джемом. А главное, сама удалилась, оставив Тойтека в блаженном одиночестве. Идеальная женщина.

Определенно.

Он прикрыл глаза. И сам не заметил, как провалился в вязкий сон, где бежал то ли куда-то, то ли от кого-то, главное, что бегать во сне получалось плохо, хотя Тойтек старался. Потом почему-то привиделась матушка в алом похоронном саване. По лицу ее расплзались до боли знакомые пятна, а стало быть, чума перешла во вторую стадию и спасти

матушку было невозможно.

Она смотрела на Тойтека и скорбно поджимала губы.

Разочаровал.

Снова.

Он вывалился из сна задыхаясь, не способный произнести ни слова, как не способный и пошевелиться. Кажется, он упал.

Точно упал.

И лежал на боку, глядя на гладкую металлическую трубу. Тойтек не сразу сообразил, что эта труба – ножка стула. Он хотел было сесть, но тело отказалось подчиняться. Проклять, да он и пальцем пошевелить был не способен.

Неужели...

Отца тоже парализовало вот так, неожиданно. Лег спать – и все, следующие два месяца провел растением.

Нет.

С ним такого не произойдет.

Тойтек, в отличие от отца, тщательно следил за здоровьем. Дважды в год полное сканирование проводил, и вот...

Мизинец дернулся.

– Надо же, – раздался до боли знакомый голос, и блестящая штанга стула откатилась в сторону. Совершенно бесшумно. Сколько он искал такое кресло, чтобы удобное и не скрипело при каждом движении? А Эрика вот нашла.

Эрика...

Он хотел произнести ее имя, но губы лишь приоткрылись,

а из горла донеслось сипение.

– А ты крепче, чем я думала, – она присела, и теперь, помимо ярко-алых туфель на умопомрачительных каблуках, Тойтек видел и аккуратные коленки, и тонкие пальцы, в которых мелькал до боли знакомый инфонакопитель.

В форме шара.

Ярко-голубого драгоценного шара.

Его подарок. Эрике нужно было где-то хранить отчеты.

Она наклонилась и нежно провела пальцами по лицу Тойтека.

– Если бы ты знал, дорогой, насколько ты меня достал, – произнесла она мягко, и от мурлычущего этого голоса по спине побежали мурашки.

Не от голоса.

Действие зелья, что бы она ни использовала, ослабевает. И хорошо. Тойтек пока не понимал, что происходит, но заставил себя лежать.

– Твой снобизм, твое презрение ко всем, кто не настолько умен... а уж твое отношение к женщинам, твоя уверенность, что мы созданы исключительно для удобства вот таких вот уродов... что способны лишь варить кофе и писать отчеты... что ж, кофе я варить умею. Правда?

Он захрипел.

– Не старайся. Это паучий яд из Алеххаро. Весьма надежное средство. И паралич, им вызываемый, вполне похож на естественный. Никто не удивится, зная, что произошло с

твоим отцом.

Тойтек закрыл глаза.

Сколько она впрыснула? И чей яд взяла? Если большой оранжевой скопы, то шансов и вправду нет. Он разрушает двигательные нейроны, приводя к полному параличу при сохранении основных жизненных функций. А вот если малая... или даже эсхала... эсхалы куда как менее ядовиты... но так бы Эрика рисковать не стала... значит, скопа... в лаборатории имеются образцы...

– Конечно, все будут опечалены. Твою работу ждут с таким нетерпением...

Она ущипнула Тойтека за щеку.

– Само собой, записи станут разбирать и увидят, что ты не слишком-то продвинулся.

Тварь!

А ведь он даже почти решил на ней жениться! И совершенно детская обида затопила сознание Тойтека. Как она могла... как...

– Некоторые твои теории посчитают любопытными, но мы-то знаем, что они будут тупиковыми.

Она наклонилась ниже.

– Мы знаем, где искать... мы... ты и я... – она помотала перед носом накопителем. – И мой народ, который из-за подобных тебе, вынужден пропадать в неизвестности, довольствуясь той жалкой ролью, что ему отвели имперские свиньи...

Тойтек закрыл глаза.

Вот только фанатички ему не хватало. А ведь казалась такой милой... и молчаливой, что он в свое время считал достоинством, ибо женские разговоры его немало угнетали своей пустотой и бессмысленностью.

– Но теперь... теперь вы все будете вынуждены считаться с Раххом!

Ее проверяли.

Определенно.

Должны были... и Рахх... крохотный мирок на задворках Созвездия, известный лишь тем, что там постоянно бурлили какие-то местные революции, а власть менялась столь стремительно, что никто и не пытался уследить за тем, кто там ныне стоит во главе.

Что еще?

Ни полезных ископаемых. Условия... средние. Для туристов интересного тоже мало. Доходы низкие, живет Рахх в основном за счет дотаций... уровень образования...

– Не смотри так. Моя мать была родом из Рахха. Ей пришлось покинуть родину, исполняя свой долг, – Эрика поднялась, и Тойтеку вновь открылся удивительный вид на ее ноги.

Черные чулки обтягивали их, подчеркивая красоту.

– Она научила меня и сестер, – каблуки зацокали по полу, и каждый звук вбивался в черепную коробку. – Она подсказала, что делать, как понравиться тебе, такому закрытому,

такому перспективному, но параноидально осторожному... ты не терпел никого рядом... никого, кто бы мог сравниться с тобой по интеллекту, как не терпел и глупцов. Ты вел свою работу, и никто, даже те, кто оплачивает твои счета, не знал, над чем и вправду ты работаешь. Самый талантливый ученый во всем Созвездии миров...

Она обошла Тойтека, и острый нос туфли впечатался меж ребрами.

– Самый большой зануда и сноб, да... но ничего, теперь я могу вернуться домой... с победой. Не пройдет и полгода, как все заговорят о нас, как вынуждены будут считаться... как...

Что-то зазвенело...

– Как думаешь, если вдруг в центральных мирах вспыхнет небольшая эпидемия чумы, защита от которой есть только у нас, это поможет всем относиться к Рахху серьезней?

Ненормальная.

И ведь говорит на полном серьезе. А самое поганое, что у нее вполне может получиться... нет, Тойтек не был параноиком, разве что самую малость, но имелся в прошлом весьма неприятный опыт, когда старший коллега присвоил себе его идею. С тех пор Тойтек избегал коллег.

Да и вообще предпочитал помалкивать.

Вспыхнуло галоокно монитора. Защелкала клавиатура.

Пароль...

Она знает.

Она достаточно долго была рядом, чтобы изучить Тойтека. И снять все его пароли. Информация скопирована давно, а вот сейчас Эрика просто убирает лишнее. Она неплохо разбирается в технике. И теперь сполна реализует свои таланты.

А Тойтек... Тойтек всецело сосредоточился на мизинце, который получилось согнуть и разогнуть. И стало быть, надежда имелась.

...Позапрошлый год.

Работа с ядами. Заказ на сыворотку, которая получилась пусть вовсе не столь хороша, как ему представлялось, но Тойтек все одно протестировал на себе с малой дозой яда. Помнится, несколько дней он чувствовал себя преотвратительно, хотя куда менее отвратительно, чем сейчас.

Мог ли возникнуть иммунный отпечаток?

А теперь и ответ?

Дышать надо. Спокойно и глубоко, наполняя кровь кислородом. Кислород ускорит метаболизм, а с ним произойдет и скорейшее выведение яда.

– Злишься? – закончив с компьютером, Эрика опустилась на колени. – Не злись. Постарайся меня понять. Я ненавижу таких вот ублюдков, как ты. Вы появляетесь на свет на всем готовом. Вы не знаете ни голода, ни неудач. Вас берегут. Учат. Холят и лелеют. А вы, свято уверенные, что именно так и должно, презираете всех, кому не столь повезло.

Эрика наклонилась и поцеловала его в щеку.

– Прощай. Не могу сказать, что буду скучать. Ученый из

тебя и вправду вышел неплохой, а вот как любовник ты довольно посредствен.

Это было по-настоящему обидно.

– Если думаешь, что лгу, то зачем мне...

Она поднялась.

– А что до остального, то... ты меня сегодня уволил. Скорее всего, очередная неудача расстроила, вот и сорвался на бедной девушке. Все знают, насколько поганый у тебя характер, да...

Эрика всхлипнула и по щекам ее побежали слезы.

– Никто не удивится, что я прямо сейчас отправлюсь в порт. А ты постарайся выжить. И живи долго... долго-долго-долго...

Она помахала ручкой и дверь прикрыла. И наверняка вывела табличку с просьбой не беспокоить. А стало быть, найдут его завтра к утру... в лучшем случае к утру... он ведь порой запирался на сутки-двое... твою ж мать.

От злости мизинец дернулся, а с ним и большой палец будто судорогой свело.

Вот так.

Надо сосредоточиться.

Дышать.

Считать. И надеяться, что поможет. В груди заломило, но Тойтек не позволил себе поддаться панике. К демонам дальних миров! Если он не справится, если... лучше и вправду сдохнуть.

А чума?

Откуда она клоны возьмет? Хотя образцы в лаборатории тоже имелись. Но их Эрика не тронет. По протоколу после любого происшествия служба безопасности обязана проверку провести. И отсутствие обнаружат...

Или нет?

Служба безопасности – еще те идиоты. И сличают они обычно количество пробирок с заявленным. А уж проверять, что там внутри, смелых нет, и стало быть, все хуже, много хуже...

Да и пробирки трогать необязательно. Она кормила животных в виварии. Такая милая, исполнительная Эрика... удобная...

Твою ж...

Если скovyрнуть пустулу... или взять образцы гноя, перенести на клеточную среду... даже не тайно... посев тоже делала она, и за инкубацией следила... вела протоколы... да она могла создать не одну сотню проб.

И руку заодно набила.

От ярости Тойтек зарычал. И ладонь дернулась...

Его нашли к полудню следующего дня. Изнуренного жаждой, полного ненависти к себе и окружающему миру и, что куда хуже, обделавшегося. Зато почти удалось восстановить контроль над пальцами левой руки.

Глава 4

Неделю спустя

– Прогресс, несомненно, налицо, – пухлый целитель убрал руки, и Тойтек снова задышал свободно.

Проклятье! Сила, которую вливали в его тело исключительно из благих намерений, изрядно замедляла процесс регенерации, хотя исключительно теоретически должно бы быть наоборот.

– И это дает основания предположить, что шансы есть.

Конечно, есть.

И неплохие.

Тойтек мог пошевелить пальцами на левой ноге. К кожным покровам возвращалась чувствительность, хотя и ненадолго. А тело время от времени сминали судороги.

– Увы, мы здесь бессильны.

Если бы Тойтек мог, он бы живо подтвердил, но пока все, что у него выходило, – это вращать глазами. Притом что судорога время от времени и лицо сминала, получалось весьма... жутко.

– Ему нужна реабилитация. Отдых, – целитель сцепил пальцы на округлом животе. – Я бы рекомендовал отправить его в путешествие. Новые виды, новые впечатления... это весьма благотворно сказывается на разуме.

Разум.

Да все в порядке с его, Тойтека, разумом. Тело вот подвело, а разум четко осознавал, что его, самого молодого и, по мнению «Сайнс», самого талантливого ученого во всем созвездии, да практически гения, поимели.

– И что нам делать? – Мэйсон, директор «Фармтека», нахмурился. Он разглядывал Тойтека, не скрывая своего сомнения, явно прикидывая, стоит ли и дальше вкладываться в человека, ныне представлявшего собой условно структурированную биомассу.

– Отправьте его на отдых. Не знаю, на курорт какой-нибудь... – целитель ущипнул себя за ухо. – Вот, к слову, скоро «Принцесса Аула» начнет свой ежегодный вояж. Полтора месяца в спокойной и расслабляющей обстановке. Несколько климатических зон повышенной комфортности. Отличная команда целителей. Физиотерапевты...

– Физиотерапевты – это хорошо...

Мэйсон отпустил целителя взмахом руки и, когда тот ушел, развернул к себе инвалидное кресло.

– И что же у нас произошло на самом деле? – тихо поинтересовался он. Правда, ответом стало то ли мычание, то ли клекот. – Давай так. Один раз моргнешь – это «нет», два – «да». Понятно?

Тойтек поспешно моргнул дважды.

Странно, что до сих пор никто не додумался хотя бы до столь элементарного способа общения.

– Тебя ведь не просто так парализовало?

Тойтек вновь моргнул.

– Отлично. Мне скинули то, что было на компе. И вот что удивляет, эти результаты я видел два года назад. И в них нет ничего общего с прошлым твоим отчетом. Это связано с твоим состоянием?

Тойтек с трудом сдержал вздох облегчения.

– Если тебе интересно, то виварий пришлось зачистить. Животные оказались заражены. Новая, весьма агрессивная форма чумы, – Мэйсон устроился на краю стола. Он сел, сгорбился, и серый его пиджак натянулся, обрисовывая нескладную фигуру, пожалуй, одного из самых влиятельных людей в Созвездии. – Данные тебе предоставят... Девчонка, верно?

Тойтек испытал преогромное желание сделать вид, что вопроса не понимает. Но все-таки моргнул. Дважды. Жаль, что он не способен пока на большее.

– Ясно. Начальник охраны погиб... несчастный случай. А вот подчиненные болтают, что в последнее время он сильно нервничал.

Тойтек закрыл глаза.

– А вот его жена и дочь исчезли. Оказывается, его супруга родом с Рахха... мерзкий мирок.

Тойтек согласился.

– Они, стало быть... Вакцина готова?

Прототип. И эффективность у него довольно низкая, хо-

тя последняя серия показала совсем иной результат... и его стоило бы повторить.

– Хорошо... просто отлично. Сделаем вот что... ты для них опасен. Дадим анонс, что твоя болезнь вовсе не так и страшна. И что ты вот-вот вернешься к полноценной жизни.

Неплохо бы, но Тойтек был в достаточной мере скептиком, чтобы отдавать себе отчет: к прежней жизни он не вернется никогда. И ему повезет, если удастся просто сохранить контроль над телом.

– Отправим тебя... что там рекомендовали? «Принцесса Аула»? Неплохо... сам отдыхал, и тебе понравится. Дадим в сопровождение сиделку...

Только не очередную женщину!

– Не нервничай, есть у меня кандидатура, хороший парень, хотя и замкнутый довольно. Но ты болтливых, помнится, не жалуешь, так что сойдется. Что еще?

Мэйсон уставился, будто и вправду ждал, что Тойтек сумеет ответить. Тот моргнул дважды. Потом один раз. И снова дважды...

– Думаешь, рискнут устроить эпидемию, чтобы заявить о лекарстве? Вполне с них станется. Еще те безумцы, которых давно следовало бы приструнить. А целителям я скажу, чтобы не лезли... видел, что энергограммы после сеансов падают. Только, дружок, ты уж постарайся... не сдохнуть.

Постарается.

Еще как постарается.

Одно дело, если Рахх решит провести свои исследования. Они весьма удивятся результату. Но они в достаточной мере безумны, чтобы рискнуть без повтора. И тогда... тогда миру придется туго.

Почему-то Тойтек чувствовал себя виноватым.
Самую малость.

Две недели прошло.

Две недели, если разобраться, это много. Успели упасть акции металлоперерабатывающего концерна после слухов о том, что добыча астероидов в полосе Малого Тесея происходит без соответствующей лицензии, и поднялись бумаги трех фармкомпаний, увеличив квартальную прибыль на несколько миллионов крон. Впрочем, акции завода Лотта продавать запретила, приказав, наоборот, скупить все, которые появятся в свободном доступе. Слухи были лишь слухами, а судя по отчетам геологоразведки в поясе можно было встретить весьма интересные редкоземельные металлы.

Лотта одобрила покупку нескольких малых предприятий.

Вложились в постройку курорта в поясе Милонегги, равно как и фабрики по добыче сжиженного газа на спутнике Айохи. Но это все были дела обыкновенные, ничем особо не примечательные. И даже тот факт, что издатель, пусть и не сразу, но все же принял последнюю рукопись даже без откровенных сцен, не доставил Лотте обычного удовольствия.

Ныне все ее мысли занимало грядущее путешествие.

Наверное, останься она одна, она бы передумала. Это ведь совершенно неразумно – покидать собственный уютный особняк, чтобы найти мужчину, чтобы тот... дальше мысли замирали, поскольку в голове раздавался скрипучий бабушкин голос:

– Юная леди не должна думать о таком.

А не думать не получалось, и Элиза, словно чувствовавшая все эти сомнения, практически поселилась в особняке.

– Я сказала матушке, что ты переживаешь. И попросила меня составить компанию. В общем, для всех ты отправляешься в «Туманные дали».

– Может, мне и вправду туда отправиться?

Курорт был из дорогих, доступный далеко не всем и отнюдь не только в силу просто-таки неприличной стоимости. В «Туманных далях» собиралась исключительно приличная публика.

– И сдохнуть от тоски? – фыркнула Элиза. – Я там в прошлом году была, маман сопровождающая. Так дни считала, когда свалим. Все до того чинно и благородно... в общем, ты даже не заметишь, что обстановку сменила. Нет, дорогая, тебе нужна встряска.

И новый гардероб.

Платья. И платица. Неприлично облегающие брюки, в которых Лотта полчаса стояла на пороге собственной комнаты, не решаясь этот самый порог переступить. Летящие туники.

Кружевные жакеты.

Шляпы.

Шляпки. И совершенно чудовищного вида чулки в сетку. С бабочками.

Элиза решительно отправила в мусор весь запас миткайской жемчужной пудры, следом туда же полетели щипцы для волос, патентованный распрямитель, который позволял хоть как-то справляться с упрямыми кудряшками, и панталоны.

Все панталоны, которые удалось обнаружить в доме. Даже бабушкины, ручной работы, расшитые скатным жемчугом.

– Ужас, – Элоиза растянула панталоны на кровати. – Тихий.

– Произведение искусства. Между прочим, народное творчество...

По паучьему шелку из Эхларра расползались серебряные цветы, и уже их лепестки украшали мелкие жемчужинки.

Элиза подняла панталоны двумя пальцами.

– Обошлись в пятьдесят тысяч. Сейчас примерная стоимость, если верить оценке, около семидесяти. Застрахованы, – предупредила Лотта на всякий случай. И панталоны вернулись под стекло.

– Этот дом меня ужасает, – призналась Элиза, активировав защитный полог на витрине. – Здесь куда ни плюнь, в произведение искусства попадешь запредельной стоимости. Но ничего. Я сделаю из тебя человека.

И сделала.

То есть Лотта, несомненно, осталась человеком, но вот...

Она стояла в огромном зале, пытаясь справиться и с ужасом, и с восторгом, и с желанием немедленно вернуться в авто. Путешествие? Да чем Лотта вообще думала, соглашаясь на эту авантюру. Всех богов ради, она должна, просто-таки обязана вернуться домой.

Немедленно.

Но Элиза схватила ее за руку и потянула:

– Идем, не хватало еще на регистрацию опоздать... так, багаж доставят, я прослежу. Карточки взяла?

– Взяла...

Лотта зачарованно повела головой вслед огромному экзальцу, что медленно шествовал по залу. Колоннообразные ноги защитного его костюма мягко касались каменного пола, покачивался экзопанцирь, защищающий тело и поддерживающий комфортное давление. За ним цепочкой выстроились особи поменьше.

Самки.

Экзальцы и вправду настолько далеко ушли по пути генной модификации организма, что называть их людьми язык не поворачивался.

– Не зевай, потеряешься... – Элиза дернула ее за руку. – Что? А, еще насмотришься. Теперь послушай меня, Лотта. Если вдруг что-то пойдет не так... что угодно. Не знаю, деньги там закончатся. Или домой вернуться захочешь. Поймешь, что все не по тебе. Достаточно будет просто показать

клеймо.

– Знаю.

За деньги Лотта волновалась меньше всего. Даже если иссякнут обычные счета, куда перечисляли гонорары, то доступ к семейному состоянию у нее останется.

– Все-таки я волнуюсь, – Элиза обняла ее и прижала к себе. От кухни пахло дымом и духами, а еще чем-то сладким, будоражащим. – Может, стоило с тобой полететь?

Лотта покачала головой.

Конечно, искушение позвать Элизу было огромным. Но... где она, там репортеры, а репортеры Лотте были совершенно не нужны.

– Ладно... чего это я... ты же не маленькая уже.

Не маленькая...

Слева пронеслась стайка юрких виррхассцев, оставив за собой ароматный след. Впрочем, тотчас активировались встроенные вытяжки, и след растаял, как и пыльца симбионта-лишайника, который давно и прочно сроднился с кожей, окрашивая ту во все цвета радуги.

А ведь редкость изрядная.

Интересно, ее как-то извлекают из фильтров? Или просто утилизируют вместе с обычной пылью и прочим мусором?

– Итак, третья палуба. Полулюкс, полный пансион. Две недели до Жемчужного берега, две недели там и обратно столько же...

Лотта кивнула.

Программу круиза она разве что наизусть не заучила. И не только ее. Пока кузина создавала гардероб, подходящий успешной писательнице, Лотта приобрела контрольный пакет акций «Принцессы Аула», а с ним и чертежи лайнера, просто так, для душевного спокойствия.

Изучила личные дела экипажа.

Прошлась по персоналу, а заодно уж обзавелась полным списком пассажиров. На всякий случай. В конце концов, любое безумие должно быть хорошо продуманным.

– Все, дорогая, – Элиза расцеловала ее в обе щеки и даже притворно всхлипнула. – Удачи тебе... хорошо провести время.

Она отступила и тут же, словно спохватившись, наклонилась и шепнула на ухо:

– Будешь смотреть новости, не удивляйся. Это я несколько... подстраховалась.

– Что?

Лотта терпеть не могла, когда кто-то из родственников начинал проявлять инициативу. Как правило, она выливалась в некую сумму, которая уходила из фонда, специально созданного, чтобы оплачивать последствия болезней, эпидемий и таких вот инициатив.

– Ничего, дорогая, – Элиза отступила и взмахнула платочком. – Отдыхай и ни о чем не думай!

Проклятье.

Теперь Лотта точно будет думать о том, во что кузина вля-

палась.

– Добрый день, – девушка за стойкой широко улыбнулась, продемонстрировав парочку искусственных клыков. В правом сверкнул алый камешек. Россыпь таких же украшала щеку девушки, впрочем, мгновение – и камни изменили цвет на темно-зеленый.

Не камни.

Симбионты с Ал-Аххша. Последний писк моды, если верить «Сплетнику».

Лотта не верила, но с трудом отвела взгляд от колоний протозоев, что медленно перемещались по щеке девушки.

– Д-добрый, – она протянула ладонь и коснулась монитора. И тот отозвался радостной золотой вспышкой. Улыбка девушки стала еще шире, а симбионты засверкали золотыми искрами.

Странно это смотрелось.

Определенно.

– Наша компания счастлива приветствовать вас! – радостно воскликнула девушка. – Мы надеемся, что грядущее путешествие вам запомнится...

– Не сомневаюсь, – мрачно сказала Лотта и поправила лямку махонького рюкзачка, который выбирала Элиза, как и тунику из паучьего шелка, и просторные шаровары, и босоножки на плоской подошве. Нет, получилось интересно и... непривычно.

Настолько непривычно, что Лотте приходилось делать над

собой усилие, чтобы не одергивать подол этой самой туники.

Еще не поздно вернуться.

Всего-то и надо – отступить, вызвать такси и дать адрес.

– Ваш багаж... – девушка взмахнула над экраном. – Уже доставлен. Если у вас имеются какие-либо пожелания относительно рациона...

– Нет.

– Или непереносимость продуктов...

– Нет.

– Или...

– Нет, – рявкнула Лотта.

Надо возвращаться.

Немедленно. Но если она вернется, то никогда в жизни не рискнет выйти за пределы дома. И Лотта, мотнув головой, сказала:

– Можно мне на корабль?

– Конечно! Наша компания желает вам...

Глава 5

Данияр Седьмой, не стесняясь собственного любопытства – в конце концов, здесь он не диктатор Ах-Айора, а всего-навсего скромный мультимиллионер, – крутил головой, спеша разглядеть и ксеноморфов в удивительном их многообразии, и холодную глянцевую обстановку перевалочной базы, и вообще все, включая генно-модифицированные плющи, что затащили стену до самой крыши. Листья их, окрашенные во все оттенки лилового, складывались удивительным узором, который отражался на зеркальных плитах пола.

Вокруг царила суета.

Люди.

И почти люди, тела которых были изменены, пожалуй, куда больше, чем несчастный плющ. Совсем даже не люди. Големы-носильщики, чьи многосуставчатые конечности двигались столь быстро, что разглядеть их было сложно, и казалось, что длинные змееобразные тела, груженные багажом, просто плывут над полом. И в нем же отражаются. С куполообразного потолка свисали тяжелые шары светильников, облюбованные каадским диким мхом. И сонмы светящейся мошкары кружили вокруг него, поглощая заодно избыточный углеводород.

В углах застыли следящие камеры.

Беззвучно парили дроны, отслеживая движение по секто-

рам.

Странно.

И много всего. И...

– Данияр Архведович? – уточнила девица, лицо которой покрывала сине-зеленая мелкая чешуя. – Наша компания...

Одару за спиной зашептались, обсуждая то ли чешую, то ли обтягивающий, чересчур уж откровенный наряд девицы, заставивший Данияра вспомнить, что и вне гарема есть жизнь.

Жизнь что-то говорила хорошо поставленным голосом и даже улыбалась.

И это было... хорошо.

Просто отлично.

И Данияр Седьмой улыбнулся девице, а та улыбнулась в ответ, продемонстрировав одинаково ровные и острые зубы. А потом, слегка подавшись вперед, шепотом поинтересовалась:

– Скажите, а вы тоже любите сырую плоть?

– Не очень, – Данияр на всякий случай сделал шаг назад. – Я... как-то... жареную предпочитаю.

Девица кивнула.

И указала на дорожку, что вспыхнула на зеркальных плитах:

– Наша компания желает вам приятного полета...

Кресло на силовой подушке было самым современным и

дорогим. Самым современным и самым дорогим. Оно двигалось мягко и бесшумно, а толстый слой псевдомха, покрывавший его изнутри, время от времени изменял плотность, вынуждая неподвижное тело принимать другую позу. Сугубо теоретически это заставляло парализованные мышцы хоть как-то работать, препятствовало возникновению застоев крови и вообще давало немалую пользу, если верить рекламным проспектам, но практически Тойтек готов был выть от расправившей его злости.

Только-только привыкнешь, приноровишься к тому, что тебя размазало в глубинах этого самого кресла, расслабишься и задремлешь, а тут раз – и мхи зашевелиятся, потекут, заставляя проваливаться еще глубже. В какой-то момент возникло даже подловатое ощущение, что мхи из питательной подложки переползут на тело, которое куда более питательно и привычно с точки зрения глобальной экологии, но Тойтек подавил приступ иррациональной паники.

В конце концов, кресло испытывали.

И ни один инвалид не пострадал.

– Все хорошо? – мрачно поинтересовался его сопровождающий. Огромный детина без малейшего следа интеллекта на смуглой физиономии, которую и лицом-то назвать язык не поворачивался.

Тойтек дважды моргнул.

В порядке.

В относительном. Он уже свободно шевелит пальцами ле-

вой и правой ноги, способен сжать оба мизинца на руках, и даже большие пальцы стали подергиваться, намекая, что когда-нибудь, возможно, Тойтек снова возьмет в руки если не пластиковое перо, то хотя бы чашку.

С кофе.

С запрещенным, мать его, кофе, который ему позволялось только нюхать.

– Хорошо, – детина толкнул кресло, и оно мягко двинулось вперед. Сам он держался в тени, как и обещано, не докучая разговорами.

И это тоже злило.

Впрочем, Тойтек отдавал себе отчет, что злость, им испытываемая, столь же иррациональна и, хуже того, нефункциональна, как и страх перед креслом. Эмоции, с которыми он успешно сражался всю жизнь, гордясь своим контролем, вдруг взяли и вырвались из-под этого контроля.

– Доброго дня... – и лучащееся искусственным счастьем личико регистраторши заставило покрепче стиснуть зубы. Мысленно.

Девушка была раздражающе хороша...

И напоминала Эрику. Вот этой наивной улыбкой, которая была ложью. Все они лгали... все...

– ...Наша компания желает...

Над виском завибрировала капля галосвязи, и детина, чье имя Тойтек мстительно отказывался запомнить, хотя уж он-то не был никоим образом причастен ко всему, что с Той-

теком произошло, легким движением активировал вызов. И вернулся к беседе с регистратором.

– Дорогой, как ты?! – на развернувшемся голоэкрane отразилось матушкино обеспокоенное лицо. – Представляешь, я сегодня видела такой сон... просто невозможный!

Она полулежала, и белоснежные складки тоги подчеркивали искусственное совершенство ее фигуры.

Злость нарастала.

Вот зачем она... знает, до чего Тойтеку неприятны подобные разговоры. И прежде у него получалось сослаться на занятость, на дела, которых и вправду, к счастью, хватало. Теперь же он оказался беспомощен перед материнской заботой.

– ...И я будто прозрела... – ее щебетание врывалось в уши, не оставляя и шанса на то, чтобы не слышать. – И поняла, что все, с тобой случившееся, есть наказание богов за самоуверенность.

Чью?

Но да... самоуверенность. И доверчивость вкуче. А ведь знал он, что женщинам доверять не стоит.

Матушка приподнялась и поправила идеальную прическу идеальной же рукой. Вытянула губы. Скосила взгляд, явно чтобы поймать свое отражение в одном из десятка цифровых зеркал, без которых и жизни не мыслила.

– И я подумала, что тебе следует отправиться в паломничество...

Не хватало.

К богам Тойтек относился с немалой долей скепсиса, к счастью, высшим силам он и дела его были малоинтересны.

– И я поговорила с настоятелем храма Алшбы Милосердной. Он будет счастлив принять тебя...

Нет.

Ни за что. Тойтек даже замычал от возмущения.

– Я понимаю, что ты смущен, но пойми, я не могу остаться в стороне...

Ей не позволят.

Он подписал контракт, и до завершения его принадлежит «Фармтеку», а тот не даст упрятать самого перспективного своего исследователя на какой-то богами забытой планетке.

– ...И сделаю все, что в моих силах, чтобы ты осознал правильность выбранного мною пути...

Тойтек закрыл глаза, отрешаясь от мягкого матушкиного голоса. Мелькнула мысль, что отец умер именно потому, что не осталось у него больше сил слушать этот бред.

Хотя нет, он ведь развелся и прожил пару отличных лет, а потом уже умер.

– Отключить? – поинтересовались над ухом. И Тойтек поспешно моргнул. – Хорошо. В следующий раз ставить помехи?

Что ж, возможно, Тойтек поторопился, оценивая интеллектуальный потенциал своего сопровождающего. Не так он и туп...

– Отчеты пришли. Смотреть станете?

Станет.

А заодно протестирует новую функцию захвата взгляда, пусть и несовершенную, но лучше так, чем ждать, когда сопровождающий додумается перелистнуть страницу.

Лотта осмотрелась.

Пахло на лайнере мандаринами, правда, запах был столь же искусственным, сколь и позолота, которой в полулюксе хватало. Местами она истерлась, и сквозь нее проступил обыкновенный, напрочь лишенный благородства металл. То тут, то там его покрывали мелкие царапины. А в одном месте Лотта обнаружила характерный узор кракелюра, свидетельствующий о том, что восстановительные процедуры, если и проводились, то давно.

Нехорошо.

Она плюхнулась на кровать, попрыгала на ней, прислушиваясь к матрасу. Изменила плотность. И снова... а реагировал с задержкой, пусть и небольшой, но именно из таких мелочей и складывалось общее впечатление. Неудивительно, что продажи упали, а сама компания, пусть и не находится на грани банкротства, но, судя по отчетам, весьма бодро к этой грани шла.

Лотта заглянула в ванную комнату.

Вода шла. Хорошая. Мягкая. Лишенная того характерного запаха, который появляется после прохождения через си-

стему биорециркуляции. Значит, на фильтрах экономить не стали.

А вот обслуживающую компанию перед самым вылетом сменили, равно как и кейтеринговую.

Лотта нахмурилась.

Она сюда приехала не финансовые проблемы решать, с этими мелочами и управляющие разберутся. Как-нибудь потом. У Лотты, в конце концов, другая задача. Вот только она понятия не имела, с какой стороны к ней подступиться.

Следует ли положиться на волю случая, как советовала кухня? И просто ждать, когда Лотту накроет волной страсти? Или изначально наметить цель и двигаться к ней? Ждать Лотта умела, хотя и не любила. Но вот... а если не затопит? Если она, Лотта, и вправду незатопляема? А оплот ее добродетели за годы слишком уж укрепился, чтобы вот так просто взять и пасть к чужим ногам?

Точнее, не совсем к ногам, но...

Нет, ждать – это нефункционально.

В конце концов, если случай имеет место быть, то он случится и вне зависимости от действий Лотты. И она решительно развернула панель стола, на котором нашлось место и гарнитуре, и инфоцентру вполне неплохого качества. Собственный бук Лотты был помощнее.

И привычней.

Она размяла руки... итак... экипаж? Нет, его дела Лотта захватила больше порядка ради. Капитан, конечно, холост,

но, во-первых, он будет занят, во-вторых... она несколько секунд разглядывала изображение мужчины в годах, чья седина была столь же благородна, сколь внушительен его послужной список.

Староват.

И характером обладает неуживчивым, о чем свидетельствуют четыре распавшихся брака. Не то чтобы Лотта замуж собиралась, но если другие женщины сочли мужчину негодным для совместного проживания, то стоит ли тратить на него время?

Да и не вдохновлял ее этот образ. Ни массивная нижняя губа, что выдавалась вперед, и на ней, словно на подносе, возлежала верхняя. Ни полоска усов. Ни хрящеватый нос, на котором темной бляхой выделялась бородавка. Черная форма придавала облику солидности.

Но возраст...

Лотта прикусила губу. А в голове моментально возник сюжет. Она – юная и прекрасная, желая сбежать из родного мира, переодевается в мужскую одежду и поступает на звездолет... кем-нибудь да поступает. И уже там случай сталкивает ее, простого матроса... или официанта? Матрос однозначно романтичнее... не суть важно, главное, что сталкивает с суровым звездным волком, который давным-давно разуверился в любви. Он, конечно, не знает, что этот милый матрос – девушка. И просто восхищается... надо будет хорошенько подумать, что именно способно восхитить старого и сурово-

го звездного волка и почему стандартное медсканирование при оформлении на работу не выявило подлога. Главное, что найдется место и благородной седине, и романтике под звездами, и признаниям, которые разбередят его душу.

Лотта всхлипнула и поспешила записать.

И даже порадовалась – лайнер еще с орбиты не сдвинулся, а у нее уже новый сюжет имеется.

Остальные дела Лотта перелистала быстро, ненадолго остановившись на штурмане, который был весьма хорош, но в то же время женат...

Жаль.

Немного.

Пассажиры... пассажиров было три тысячи человек. Мужчин – около сорока процентов, и теоретически это много, но если отфильтровать по супружескому статусу, а затем по возрасту – Лотта все же сомневалась, что восьмидесяти-трехлетний батрахолог, специализирующийся на земноводных Тауты, способен пробудить в ней страсть, – то осталось всего-то полторы сотни.

Выбросить тех, кто путешествует с дамой, пусть и номинально свободен.

А затем тех, чья внешность... несколько не соответствует образу романтического героя. Нет, здесь Лотта старалась быть непредвзятой и почти полчаса разглядывала изображение генно-модифицированного брокера с Тайпи, пытаясь понять, будоражат ли ее душу искусственные рога, темно-кир-

пичная кожа и россыпь кроваво-алых алмазов на левой щеке.

Душа молчала.

Но потом сдалась и согласилась, что не будоражат.

Как и мягкие складки плоти печального с виду астрозоника.

Лотта потерла глаза и взмахом руки стерла экран. Что ж... выбор у нее не так чтобы велик, но все же имеется. Вот только дальше-то что делать?

Хотя...

Она вновь оживила экран и, убедившись, что до консервации и отправления на струну осталось еще больше часа, подключилась к системе связи.

Управляющий ответил сразу.

Выслушал.

Склонил голову, признавая правоту опасений Лотты. На то, чтобы собрать заседание малого совета, ушло еще десять минут, и еще столько же – на запуск протокола по случаю отсутствия.

Проверку завещания.

Смену платежных паролей.

Инструкции... Когда раздался звон колокольчиков, Лотта потерла глаза. Все-таки подобное общение ее утомляло. И пусть директора давно уже не считали ее маленькой милой девочкой, но время от времени начинали капризничать.

Как и сейчас.

Вот что ей может угрожать? Лайнеры безопасны. Статистически куда более безопасны, чем мобили, которые постоянно попадают в аварии. Но все же легкое беспокойство, кажется, передалось и Лотте. Несколько мгновений она просто сидела, обдумывая ситуацию, но после второго сигнала, предупреждающего, что связь вот-вот оборвется, поднялась.

Сняла обувь.

Пошевелила пальцами, трогая тяжелый ковер, который, конечно, чистили, но отнюдь не так старательно, как следовало бы. Пыль не то чтобы была видима, но ощущалась.

Определенно.

После третьего предупреждающего звонка, Лотта взобралась на кровать и вздохнула.

Что она творит?

Нет, в самом деле... но думалось как-то... неубедительно, что ли. Скорее теперь ее снедало предвкушение.

Раздался далекий гул. Стены каюты затянула полупрозрачная пленка силового поля. И Лотта ощутила, как огромная махина приходит в движение. Она знала, что где-то там, в глубине, заработали маневровые двигатели, помогая тягачам вывести лайнер на струну. И что продлятся маневры больше двух часов, и что в это время, конечно, не рекомендуется покидать каюту, но и запрещать никто не станет.

А перед рывком раздастся тройной предупреждающий сигнал.

Но она лежала.

Разглядывала потолок. Стоило бы тоже восстановление провести, потому как из-под белой краски проступает металл, особенно на барельефах заметно. Лотта даже поморщилась: она терпеть не могла подобной бесхозяйственности. Нужно будет на следующей стоянке связаться. Пусть проведут полную инспекцию финансов. Как-то по отчетам большие суммы на обслуживание уходили, но вот туда ли...

Гудение постепенно стихало. И полог защитный исчез.

И Лотта решила.

Она осмотрела себя в зеркале, найдя новый свой облик пусть и слишком вызывающим, но в достаточной мере непохожим на прежний ее, а потому безопасным, и решительно переступила порог каюты.

Осмотрелась.

Коридор был традиционно узок. Светильники горели, но как-то... опять вполсилы, что ли? И потому серые клапаны дверей сливались по цвету со стенами.

– Эй, – тихо позвала Лотта. – Есть тут кто?..

...Кто... кто... кто...

Эхо прокатилось и стихло, то ли утонуло в мягком ковровом покрытии, то ли в стенах увязло.

– А кто вам нужен? – раздался мягкий голос над головой.

И Лотта подпрыгнула.

Развернулась, уходя от захвата, и выбросила руку, как учил инструктор. Правда, он не говорил, что если рука эта врежется во что-то твердое, то будет больно. Напротив, он

утверждал, что больно будет тому, в кого она врежется, но этот тип, кажется, и не заметил.

– И-извините, – сказала Лотта, спрятав ноющую руку за спину. Было стыдно и неудобно. И кажется, ей действительно следовало бы чаще выходить в люди.

– Это вы меня извините, – огромный человек в форменном военном комбинезоне слегка склонил голову. – Я вас напугал.

– Немного.

Комбинезон был без нашивок.

А человек...

Он возвышался над Лоттой, перегораживая путь и занимая почти все пространство коридора. Плечи его почти касались стен, и оттого сама голова, выбритая наголо, казалась уродливой и крошечной.

И в то же время...

Что-то в нем было. Определенно. Лотта прислушалась к себе, надеясь, что именно сейчас если не страстью затопит, то хотя бы бабочки в животе очнутя. Но вместо этого раздалось лишь характерное урчание. Наверное, бабочки хотели есть.

– Извините еще раз, – он склонился. – Вы заблудились?

– Нет. Я... я просто в первый раз лечу, – Лотта и вторую руку за спину убрала, мысленно прикинув, что ударь она со всего размаху, точно пальцы сломала бы. – И вот... решила посмотреть... говорят, что это красиво. И безопасно, если на

палубе... но как пройти...

Он молча поднял правую руку и коснулся браслета, который выдавали каждому пассажиру.

– Голосовое управление.

– Д-да... простите... совсем забыла, – Лотта ощутила, как краснеет. Конечно... это же элементарно! И похоже, она зарекомендовала себя дурой.

Полной.

– Если подождете минуту, я вас провожу, – помолчав, сказал незнакомец.

– Буду рада.

Кажется, именно так следует говорить. А он, легко отеснив Лотту плечом, открыл дверь в соседнюю каюту. Интересно. Там, судя по записям, находился известный ученый и совладелец «Фармтека».

Ученый имелся.

Он полулежал в сером кресле, как-то странно перекосившись на левый бок. И скрюченная его рука замерла, наполовину уйдя в моховую подушку.

– Д-добрый день, – сказала Лотта, надеясь, что ее смущение не слишком заметно.

– Говорить он не может. Но может моргать, – невозмутимо сообщил незнакомец. Он вывез кресло и кивнул Лотте. – Два раза – это «да», один – «нет».

Бедный.

Сердце Лотты болезненно сжалось, а в голове... вот что

у нее за беспорядок в голове... но эта история определенно будет иметь успех. Он – известный ученый, пострадавший во время эксперимента... какого-нибудь там, главное, чтобы важного, спасающего все человечество. А она – скромная сиделка... может, даже мать-одиночка, тихая и заботливая.

И они никогда бы не встретились, если бы не несчастье.

Картины новой книги проносились в голове, а глаза Лотты наполнялись слезами эмоций, которые следовало запомнить и приберечь до момента, когда она сможет сесть и все записать.

Глава 6

Девушка шмыгнула носом.

И Тойтек зарычал. Мысленно. Вот меньше всего ему хотелось, чтобы вид его вызывал у посторонних девушек острые приступы жалости.

Он привык к восхищению.

И поклонению.

А если уж слезы, то исключительно от восторга.

Она же, поднеся к носу ладошку, вздохнула и сказала:

– Это так... печально.

– Что именно? – соизволил уточнить сопровождающий.

– Все... простите, это я так, о своем, – она взмахнула рукой и улыбнулась так искренне, что тотчас захотелось улыбнуться в ответ. Правда, впечатление тут же испортилось, когда девушка сказала: – Ему, наверное, плохо. Смотрите, как скривился.

Это не скривился. Это, может, гримаса счастья такая.

– Судорога, – ответил сопровождающий и наконец соизволил сдвинуть кресло. – А вы здесь как оказались?

– Билет купила, – мило ответила девушка. И тотчас вспомнила, что в приличном обществе следует представляться. – Шарлотта. Можно просто Лотта. Я вообще редко путешествую... очень редко. Можно сказать, что очень и очень... в общем, в первый раз за всю жизнь вот сподобилась.

Она шла чуть в стороне, с искренним любопытством разглядывая и кресло, которое в очередной раз пришло в движение, и Тойтека, в нем размазанного, и сопровождающего.

– Кахрай, – сказал тот после недолгой паузы.

Надо будет запомнить все-таки.

– Ага... а вы раньше летали?

– Летал.

– На лайнерах?

– Бывало.

Содержательная беседа. И главное, чего она привязалась? Идет вся такая радостная, раздражающе довольная, просто-таки счастьем лучится. И бесит это, бесит несказанно... рыжие волосы того темного, насыщенного оттенка, которого не в каждом косметическом салоне добиться способны.

Кожа белая, гладкая.

И веснушки на ней выглядят причудливым узором.

А сама девица хороша. Нет, раньше Тойтек вряд ли задержал бы на ней взгляд. Он предпочитал женщин другого плана, стильных, сдержанных, аккуратных. А у этой волосы растрепались, на макушке и вовсе торчат рыжими пружинками. Туничка легкая съехала с плеча, это плечо выставив вместе со всеми веснушками.

Брючки слегка мятые.

Да и сама она... личико круглое, детское какое-то. Вздернутый носик. Аккуратная линия бровей, слишком аккуратная, чтобы быть естественной, хотя опять же добиться ощу-

щения естественности далеко не просто. Губы бантиком.

Взгляд восторженный.

– А чем вы занимаетесь? – поинтересовался Кахрай, пропуская девицу перед собой. Прозрачная капсула лифтовой шахты была в достаточной мере просторна, чтобы вместить всех.

– Книги пишу, – девица мило зарозовела.

Шарлотта... имя тоже округленькое, мягенькое, совершенно несерьезное. И ей подходит.

– Про любовь, – уточнила она зачем-то.

И Тойтек скривился. Да, пожалуй, будь у него возможность, он бы с удовольствием воспользовался ею, дабы избежать подобной компании.

Книги, стало быть.

Про любовь.

Дурацкие дешевые романчики, в которых кипят неестественные страсти, заставляя адекватных в общем-то женщин переполняться несбыточными мечтами и чужими эмоциями.

– И как? – понять что-либо по тону Кахрая было сложно.

– Неплохо. Редактору нравится. Читателям тоже.

Она замолчала и легонько закусил губу. Тотчас встрепенулась и спросила:

– А вы... сопровождаете, да?

– Сопровождаю.

– И... что произошло?

– Несчастный случай.

– Сочувствую, – причем опять же было непонятно, кому именно она сочувствует, Тойтеку или Кахраю, который возвышался над ними обоими молчаливой громадиной. Но лифт замер, и двери его беззвучно распахнулись.

На обсервационной палубе былолюдно.

И девица растерялась.

Она сделала было шаг назад, словно разом передумав посмотреть, спеша укрыться сперва в лифте, а после в своей каюте, но тотчас мотнула рыжей головой. Глаза ее сузились, а на лице появилось выражение преупрямое.

И она шагнула вперед.

– Интересно, – едва различимо произнес Кахрай.

А то...

Раньше Тойтеку было как-то не до людей. Имелись объекты для наблюдения куда как более занимательные. Да и времени вечно не хватало.

Теперь же...

По палубе прогуливались люди. Неспешно. Разглядывая не столько галюэкраны, на которых пылало желтое солнце Британии, сколько друг друга. Вот весьма тучный господин в сером костюме, сшитом по неовикторианской моде, вежливо приподнял шляпу-котелок, приветствуя даму, что на первый взгляд казалась обнаженной. На второй становилось ясно, что на ней комбинезон в модном ныне стиле «вторая кожа», по сути второй кожей и являвшийся. Наряд украшали

россыпи симбионтов, которые то просыпались, и тогда кожа вспыхивала бледным свечением, то вновь впадали в спячку. Сверхкороткие их циклы создавали удивительные узоры.

Пять видов колоний, как минимум.

И чего ради?

Вот излишне высокий костлявый парень застыл, устремив взгляд куда-то вдаль. Некоторая несуразность фигуры его, вытянутой и излишне хрупкой, в сочетании с характерной бледностью выдавали в нем выходца из Сумеречного мира. И яркий наряд лишь подчеркивал эти особенности. Кружилась стайка дамочек весьма характерного вида. Вроде и вместе, но в то же время каждая ищет добычу по себе. И на прочих особей женского пола они поглядывали весьма ревниво.

– Как здесь... интересно, – девица не ушла, она отступила, будто прячась за могучей фигурой Кахрая, из-за которой разглядывала всех собравшихся. – Никогда не думала, что люди... столь разнообразны.

И удивление ее было вполне искренним.

Пожалуй, если бы Тойтек мог говорить, он бы рассказал. И про то, почему морщится сумеречник, – ему неуютно при столь резком освещении, а пользоваться фильтрами парень явно стесняется. Но хоть не побрезговал гравитационными подавителями, верно поняв, что в поле повышенной для себя плотности жить не так и просто. Показал бы и супружескую пару лахвитян, которые выделялись простотой нарядов и удивительной схожестью, появившейся в силу брачной ге-

нетической модификации.

Кольпарца, дорвавшегося до дармовой выпивки и теперь глушившего коктейль за коктейлем в надежде, что количества их хватит, чтобы пробить естественную защиту и хоть немного опьянеть. Но Тойтек искренне надеялся, что не хватит.

Пьяные кольпарцы весьма буйны.

– Ближе? – прогудел Кахрай.

Меж тем лайнер разворачивался, и бортовые камеры передавали на экраны картинку отступающего солнца. В золотой его короне терялись крохотные тени планет, а спутники их и вовсе были неразличимы. Выделялась лишь общей несуразностью станция технического обслуживания грузовых кораблей, что занимала орбиту между второй и третьей планетами. Издали она походила на комок проволоки, в котором застряли кажущиеся крохотными бусины-трейлеры. Их было не так и много.

– Девять... ужасающе низкая загрузка, – Лотта покачала головой. – А ведь изначально было понятно, что станцию необходимо или закрывать, или перепрофилировать.

– Почему? – Кахрай склонил голову, и на лице его – вот интересно, откуда он сам родом? – появилась этакая тень легкой заинтересованности.

– Здешняя станция имела смысл, пока не ввели в эксплуатацию комплекс на третьем секторе, – Шарлотта смотрела на экраны. – Там и расположение удобнее, и к первичному сек-

тору переработки добираться проще, всего один переход. А сюда – три. Да и Гарраш рядом с его пустотными фабриками.

– А почему тогда сразу там было не построить?

– Близость сверхновой мешала. Энергетические искажения шли, а щитов, чтобы гасили, не было. Вот и построили на Новой Британии. Как появились, так и станция встала... нет, эту можно бы перепрофилировать как раз под обслуживание пассажирских кораблей. Но деньги нужны. А денег, как понимаю, нет. И главное, – это было сказано с немалым удивлением, – от кредитов тоже отказываются. Боятся потерять контроль, не понимают, что еще пара лет, и просто-напросто обанкротятся...

И откуда у простой писательницы подобные познания?

Или...

Сердце болезненно сжалось, а потом застучало быстрее, подгоняемое адреналином. Ведь очевидно, что Тойтека попытаются добить. И что пришлют не Эрику, она слишком засветилась. Сомнительно даже, что ее вообще в живых оставят...

Но девица...

Рыженькая. Яркая. Безобидная, как бабочка-соловка с Малой Дароры, которая имеет обыкновение притворяться цветком, чтобы в последний миг сомкнуть пленчатые крылья, опутывая несчастную пчелу и пронизывая тело ее сотнями тончайших жестких волосков.

Тойтек сглотнул.

Сжался.

И пальцы на ногах подобрались, ступня и та дернулась, будто подталкивая бежать. Но бежать не выходило, а девица стояла спокойно, разглядывая станцию, и только губы ее шевелились, будто и в мыслях она продолжала спорить.

С кем?

На плечо опустилась тяжелая ладонь. Кахрай понял. И не допустит, чтобы с Тойтеком произошло несчастье. Из груди вырвался облегченный вздох. Вот ведь... а раньше грубая физическая сила казалась Тойтеку на редкость бесполезной.

Ошибался.

И как умный человек, он был готов признать свои ошибки.

Девица была подозрительной. От рыжей своей макушки до крохотных мизинчиков, которые она имела привычку поджимать. Но следовало признать, что образ она выбрала донельзя удачный. И эти кучеряшки, которые большинство людей всерьез не примут, и бледная кожа, и веснушки рассыпью, щеки от них вовсе рыжими казались, но не отвратительно, напротив, тянуло эти щеки потереть, убедиться, что веснушки не нарисованы.

Тонкая шейка.

Узкие плечики.

И ткань туники обрисовывает ладную фигурку, но этак словно невзначай. Запах цветов, легкий, ненавязчивый...

вон и клиент повелся, хотя и виду не подает, но дыхание участилось, и появилось в нем этакое... возмущение.

Кахрай подавил тяжкий вздох.

Нынешнее задание раздражало. Он же не нянька, если разобраться, а этому именно нянька и нужна, чтобы и по головке погладила, и утешила, и рассказала, какой он, засранец, умный и даже гениальный местами. Нет, тип и вправду умный.

Но все равно дурак.

Кахрай покосился на клиента, вызывавшего – тут он решил быть с собой честным – весьма смешанные чувства. И было в них место и жалости к человеку, оказавшемуся в весьма непростой ситуации, и злорадству, ибо человек этот в прежней жизни не вызывал симпатии.

Совершенно.

И ныне ничуть не изменился. Будучи парализованным, он как-то взглядом ли, гримасами ли своими, но умудрялся демонстрировать обычное свое презрение к миру и людям, не столь одаренным.

В общем, типичный ученый идиот.

Правда, платили за сопровождение более чем прилично, что было весьма кстати, да и просьба исходила от человека, отказать которому Кахрай не мог. Вот и пришлось...

А рыженькая все одно подозрительна.

Вон волосы отбросила легким жестом, обернулась, застыв на мгновение, и рассеянный взгляд ее зацепился за Кахрая.

Так смотрят на цель, прикидывая, как именно станут с ней работать.

По спине побежал холодок.

Инстинкт потребовал немедленно избавиться от угрозы, но Кахрай от него отмахнулся. Всегда оставалась вероятность ошибки. Вот неудобно получится, если он устранит просто замечтавшуюся искательницу приключений. Да и задание было совсем иным.

И знай его подопечный о деталях, не сидел бы себе спокойно, небось слюной бы от злости подавился. Но подопечный не знал, а потому слюной давиться не спешил. Сидел. Смотрел на экраны. Думал о своем, о высоком.

И пускай.

Молчит, и уже хорошо...

А с рыженькой стоит поближе познакомиться, глядишь, чего и прояснится.

Глава 7

Шарлотта покосилась на пару, которая представлялась до-
нельзя странной. И если скрюченный в кресле ученый вызы-
вал вполне искреннюю жалость, то огромный его сопровож-
дающий... да от него мурашки по спине бежали. А мурашки,
пусть тоже насекомые, но совсем даже не бабочки.

Колени, конечно, подкашивались.

Слегка.

Но не от страсти, а от мысли, что если этот здоровяк вдруг
вздумает свернуть Шарлотте шею, то... нет, с чего бы ему?
Глупые какие мысли. Он просто... крупный.

Слишком уж крупный.

И в коридоре это как-то не бросалось в глаза, а вот в лиф-
те, когда он один заполнил собой почти всю кабину, стало
совсем неуютно.

Да и здесь...

Он определенно возвышался не только над подопечным
и Шарлоттой, но и над всеми людьми, кроме, пожалуй, из-
лишне хрупкого и высокого паренька, что отыскал самое за-
тененное место на палубе и в нем скрылся.

Лукас Вайтро.

Полномочный представитель.

Сумеречник. Путешествует в одиночестве, но по обы-
чаю мира женат. Трижды. И дети имеются... хотя, конечно,

странно, до того юным он выглядит.

Лотта вздохнула и сделала шаг в сторону. Затем еще один. И еще. Она ведь не обязана повсюду следовать за этой парой, а на палубе людей много.

Очень много.

Куда больше, чем на ежегодном собрании акционеров, и даже больше, чем на балу Белых лилий, который Лотте приходилось посещать, пока она не сообразила переложить эту утомительно почетную обязанность на кухню.

На кухню, которая...

Лотта надеялась, что та все же не совершит глупость, а если и совершит, то не ту, о которой Шарлотте подумалось.

Ну да...

Она обошла странную особу, казавшуюся одетой исключительно в бледное сияние. И группу асерханских туристов, что предпочитали держаться вместе, словно опасаясь потеряться на лайнере.

– И все-таки говорю, рейс неудачный, зря потратились, – это произнесла девушка в струящемся алом платье, по ткани которого пробежали живые искры. – Оглядишься только. Никого толкового. В прошлый раз была по крайней мере дюжина кандидатов...

– Не спеши, Самира, – брюнетка в лиловом смотрела поверх бокала. И, встретившись взглядом с Лоттой, скривилась, будто увидела что-то до крайности неприятное. – Мы еще не отошли даже...

– Что изменится, если отойдем? – блондинка в бюрюзовом тряхнула копной заплетенных в косицы волос. – Тоска...

– А я говорила, что надо брать список пассажиров, – вновь отозвалась та, что в алом.

Говорили они тихо, но бабушка уверяла, будто тонкий слух Шарлотты – это, пожалуй, единственное проявление в ней благородной крови Эрхардов.

– ...А ты денег пожалела...

– Почти две тысячи! – возмутилась брюнетка.

Не так и много. Шарлотта заплатила больше полутора миллионов. За акции. И за корабль, на котором, как выяснилось, кто-то приторговывал информацией.

Плохо.

Очень-очень плохо.

Конфиденциальность – тоже товар.

Лотта мысленно сделала заметку. Инспекцию кадров придется все-таки проводить. А ведь служат давно, экипаж сработавшийся.

Она двинулась дальше, поскольку все три девицы замолчали и уперлись в нее взглядами. И почему-то подумалось, что это отнюдь не от восхищения.

Лотта двигалась вдоль экранов, на которых солнце отступало, сменяясь видами угольно-черной бездны, которую слегка разбавляло сияние звезд. Верхний свет приглушили, и под ногами вспыхнули те же экраны, впуская космос внутрь.

Кто-то ахнул.

Кто-то пискнул. И надо сказать, что задумка была хороша. Звездное небо окружало Шарлотту. Оно было столь огромным и подавляющим, что на доли секунды Лотта ощутила себя ничтожной песчинкой.

Бездна разверзлась под ногами.

И раскрылась над головой.

Бездна забрала всех, потому как на фоне ее прочие люди тоже казались чем-то незначительным. И наедине с собой Лотта с удивлением поняла, что мир удивителен.

Меж тем стихла едва ощутимая дрожь.

И тягачи отошли от лайнера.

Собственные маневровые двигатели тоже замолчали. Едва слышный вздох прокатился по кораблю. И возникло вдруг до крайности неприятное ощущение грядущей катастрофы. Оно заставило Лотту отступить. И врезаться в кого-то.

– Простите, – сказала она человеку, подхватившему ее. – Я... просто... в первый раз, вот.

– И я, – ответили ей из темноты.

Мужчина.

Голос мягкий и приятный...

...Это была случайная встреча... допустим, в небоскребе... или на станции... точно, лучше на перевалочной станции, где произошла авария. Отключились энергосистемы... не все, но многие. И она решила, что умрет. И он тоже решил.

Вдвоем.

Запертые. Отделенные ото всех. Не знающие, что скоро завал разберут. Они отдались страху и страсти, что поглотила их с головой. А потом завал разобрали.

Их спасли.

И каждый отправился своим путем.

Лотта тихонечко шмыгнула носом. Пусть она узнает, что беременна и решит сохранить ребенка. А он... что-нибудь с ним произойдет. И спустя много лет они встретятся вновь.

– Вы дрожите, – сказали ей из темноты. – Не стоит бояться. Меня уверили, что лайнер защищен...

– Система «Саффорт», – механически отозвалась Лотта, – одна из лучших на сегодняшний день. Просто так... неожиданно. И красиво. Правда?

– Правда...

От девушки не пахло благовониями. И это, пожалуй, заставляло Данияра принюхиваться все интенсивней. Он даже, пользуясь положением, наклонился к ее волосам, убеждаясь, что нет, благовониями не пахнет и от них.

Мягкие.

И легкие.

И сама она, случайно попавшая в руки, кажется на удивление хрупкой, крохотной... хорошо, что темно. В темноте позволено куда больше, нежели когда светло.

Можно стоять.

Смотреть на звезды, которые все время были над головой, а теперь вот взяли и поглотили Данияра, заставив его усомниться в собственном величии. Звезды оказались ближе, чем он предполагал. И – проклятье! – это было... волшебно.

Он в первое мгновение забыл, как дышать, словно вдруг оказался и вправду один, чего никогда прежде не случилось. И пришел в полный восторг от своего одиночества. Правда, потом услышал знакомое сопение слева.

И справа.

И спеша спрятаться от одару, пусть любимых, но не настолько, чтобы разделить с ними нынешнее чудо, Данияр шагнул вперед. И врезался в эту вот девушку.

– Как вас зовут? – спросил он отчего-то шепотом.

– Шарлотта. Можно, Лотта. А вы?

– Данияр, – он вовремя прикусил язык, готовый выплеснуть все многоцветье титулов. – Можно просто Дан.

Здесь.

Можно.

Определенно можно.

– Чем вы занимаетесь? – последовал новый вопрос.

– Всем понемногу. А вы?

– Книжки пишу. Про любовь.

– Про любовь я пока не читал, – признался Данияр. В темноте легко было говорить, пусть и о книгах. – Мне больше про войну нравится.

– Победоносную?

– Конечно. Какой смысл читать про войну, если она не привела к победе?

– Чтобы научиться на ошибках? – предположила девушка, от которой все-таки пахло, пусть и не благовониями.

Что-то нежное, цветочное.

Или фрукты?

Нет, не фрукты. Так пахнет весенний ветер, что приходит с моря и заставляет отступать тяжелую зимнюю духоту, заодно уж пробуждая странные желания, непозволительные для диктатора.

...О собственном корабле, чтобы всенепременно с парусами, которые будут взмывать подобно крыльям.

...О темной воде и лунной дорожке.

...О сокровищах моря и дальних земель. О том, что на самом деле мир вовсе не так уж прост и знаком, что где-то там, за краем, есть еще неизведанное.

Данияр легонько вздохнул.

А тьма вокруг отступила. Ее прорезали сотни крохотных огней, которые закружились в танце. Они сплетались сложными узорами, рисуя одну удивительную картину за другой. И люди, застывшие на палубе, становились частью этих полотен.

Не самой привлекательной, но все же.

– Надо же, – девушка, которая проступила тенью среди теней, подняла руку, и на ладонь ее опустились искры, и сама ладонь вспыхнула, а следом загорелось и тонкое запястье,

и вся рука до локтя. – Я только слышала о нирасских медузах... крошечные существа...

Искры облепили ее лицо, запутались в волосах, и девушка сияла. Так, должно быть, могла выглядеть древняя богиня, одна из тех, которым поклонялись пустынные.

И видят боги, правы были.

– ...Срок активного существования – около пятнадцати минут. Этого хватает, чтобы спариться и выпустить споры, которые на Нирассе разносятся ветрами. А ветра там постоянно...

Девушка поднесла ладонь к губам и подула. Искры взлетели и заплясали, закружились, то ли играя, то ли возмущаясь.

– Они могут годами парить над поверхностью планеты, не касаясь песка, дожидаясь мгновения, когда бури утихнут. И лишь тогда, попав в зону затишья, споры начинают стремительно развиваться. Они обладают удивительной способностью поглощать органику в любом ее виде.

Искры медленно угасали.

– Затем следует взрывной рост колонии и отпочковывание ее летающих форм, которые вступают в контакт, чтобы обменяться генетическим материалом.

– Когда я этого не знал, было как-то более... романтично.

– Думаете? – девушка стряхнула искры и вытерла ладонь о штаны. – Разве чудо перестает быть чудом, оттого что вы понимаете, как оно устроено?

– Перестает, – уверенно ответил Данияр. – Чудо именно

потому чудо, что необъяснимо, неподвластно разуму. Оно воздействует на чувства, оно дает эмоции...

Лотта склонила голову набок. Искры гасли в ее волосах, а лицо, лишённое света, становилось обычным. Миленьким, но не более того.

Жаль.

Разочарование было столь острым, что Данияр не сдержал вздоха.

– В темноте интересней, правда? – Шарлотта убрала руки за спину и отстранилась, что стало еще более обидно. – Можно представить собственное чудо. Или, скажем, идеал.

– Наверное.

Признаться, Данияр несколько растерялся.

И оглянулся, и вспомнил, что здесь он почти один, ни охраны, ни советников, ни слуг, готовых подать напитки ли, угощение, нужную книгу или еще что-то, способное произвести впечатление на женщину. Конкретно эта женщина, изрядно потеряв былое очарование, теперь стояла и разглядывала Данияра с весьма откровенным интересом. И вот чувствовалось, что не ускользнуло от нее ни появившаяся за последний год одутловатость, ни второй подбородок, который, по словам наложниц, наметился едва-едва и вовсе Данияра не портил, ни проклятый живот. Его диктатор старательно втягивал, но вдруг оказалось, что живот втягиваться категорически не желал. Наоборот, он, словно издеваясь, вываливался над ремнем, натягивая тонкую рубашку.

Отвратительно.

– А вы женаты? – поинтересовалась Шарлотта, приставив пальчик к губе.

– Нет, – честно ответил Данияр Седьмой, потомственный диктатор.

– Это хорошо...

– А вам муж нужен?

– Не то чтобы нужен... – рассеянно заметила Шарлотта, смахнув с волос последние искры. Освещение меж тем вернулось в норму, и Данияр, осмотревшись, с неудовольствием отметил, что гарем его несколько разбрелся.

Вот Заххара щебечет с каким-то тощим типом, похожим на больного богомола, а Некко нашла полную его противоположность – светловолосого толстяка, несколько растерявшегося от этакого внимания... А ведь обещали вести себя прилично.

Данияр нахмурился.

И обернулся к девице, которая оказалась невысокой, какой-то на удивление аккуратненькой, будто одна из ашшехских статуэток. Тоже в них на первый взгляд ничего-то особенного нет, а вот возьмешь такую в руки и уже сил не найдешь расстаться.

Волосы рыжие, яркие, что пустыня на закате.

Кожа бледна, но все одно покрыта веснушками, и смотрится это весьма мило. Глаза теплые. Губы пухлые. Такие целовать приятно. И Данияр поцеловал бы, будь она из его

мира, но с местными женщинами следовало держать себя в руках.

А то мало ли...

Помнится, дядюшка вот так поцеловал одну, особо понравившуюся, так потом едва война не началась, жениться пришлось, нарушая обычай. Правда, сейчас дядюшка всем врет, что безумно счастлив, и ему верят. Или делают вид, что верят? Но гарем он распустил.

Сказал, что одна жена дешевле обходится.

– Что-то не так? – поинтересовалась Шарлотта.

– Что? А, нет... задумался немного.

– Над чем?

– Над книгами, – взгляд Данияра зацепился за стайку весьма симпатичных особ, способных украсить любой гарем. Вот с ними определенно стоило познакомиться поближе. Вид у девиц был весьма характерный, и намерения их читались легко, а потому сами они опасности не представляли.

А рыженькая...

Нет, с такими связываться себе дороже... этак точно окажешься женатым и без гарема. Почему-то последняя мысль нисколько не огорчила.

Глава 8

Шарлотта с печалью посмотрела вслед мужчине, который удалялся весьма бодрым шагом. А на снимке он и вполовину не так хорош... и если подумать, ничего-то в нем нет. Не сказать чтобы высокий и далеко уже не стройный, пусть и сохранивший удивительную плавность движений.

Но все-таки...

Кожа смуглая, темная, а вот волосы, наоборот, светлые, выгорели до белизны, подчеркивая высокий статус и чистоту крови.

Она тихонечко вздохнула.

– Что, понравился? – поинтересовалась смуглая девушка, которой мгновение назад не было. – Если понравился, могу помочь за небольшую плату...

– Чем?

– Советом, – в одной руке девушка держала пончик, облитый розовой глазурью, во второй – высокий бокал, наполненный чем-то зеленым и блестящим. – И делом. Даник у нас на новое падок, а еще трусоват. Если сбежал, значит, нравишься.

– А вы...

– Эрра, его возлюбленная одару... одна из многих, – она откусила пончик и пригубила напиток, поморщилась. – Терпеть не могу мяту. Хочешь?

– Нет, спасибо.

– И правильно. Никогда не бери угощение из чужих рук, если выжить хочешь. Во всяком случае, в гареме.

– В гареме?

– А ты думала. Он диктатор, а диктаторам закон брать жен не велит, зато одару можно, сколько хочешь. У него вот две сотни.

– Зачем столько? – искренне удивилась Шарлотта. Она, конечно, знала об особенностях мира, который все путешественники называли восхитительно отсталым и ужасающе варварским, но обязательным к посещению.

– Так... положено. Мало одару – слабый мужчина, а диктатор слабым быть не может. Не поймут, – Эрра пожалла плечами, и белоснежное платье ее, подчеркивавшее темно-красный, удивительно глубокий оттенок кожи, едва не соскользнуло. – Вот и мается, бедолага.

Она дожевала пончик и облизала пальцы.

– И как там... в гареме?

В голове забрезжило начало нового романа о прекрасной юной деве, которая осталась одна, без средств к существованию... сирота, злые родственники которой лишили ее крова и вообще всего. И она, не имея ничего, рискнула принять предложение о работе, но ее обманом вывезли на закрытую планету...

Или нет?

Может, лучше, если коварный родственник, к примеру дя-

дя – писательский опыт подсказывал Шарлотте, что именно дяди и тети были склонны проявлять наибольшее коварство в отношении несчастных сирот, – продал бедняжку в гарем. И уже там, в новом мире, совершенно незнакомом, она встретит истинную любовь и сумеет завоевать его сердце...

И назвать красиво.

Например, «Сердце гарема».

– Как? Да никак... тоскливо – страсть. Нет, кормить-то кормят, и прилично, наряды опять же покупают, а если Даньке понравиться, то собственную карту выдадут, а вот лимит на ней разный. Тут даже не от Даньки зависит, он-то добрый, а вот старший евнух еще та скотина. Не будешь процент платить, то и останешься с двадцатью золотыми в квартал. Подарки... по большим праздникам, конечно, всем дают. Только опять же, сама понимаешь, любимых одару он лично награждает и, может, даже лично выбирает... иногда... к счастью, что иногда, ибо вкус у него не сказать чтобы особо... а вот остальным опять же достается что-то из общего списка.

Надо же.

Интересно.

– А... а вы не могли бы подробнее рассказать? – Шарлотта стиснула руки. Да боги с ним, с диктатором, в гарем ей совершенно не хотелось, а с этих дикарей станется силой увезти. Шарлотта была же в достаточной мере практична, чтобы осознавать – фантазия может несколько отличаться от реальности.

– Зачем?

– Для книги, – Лотта взяла новую знакомую за руку. – Не здесь, у меня в номере... если не боитесь.

– Чего?

– Не знаю. Вдруг я...

Договорить она не успела. Перед глазом вдруг возникло острое клинка, который спустя мгновение спрятался в просторном рукаве платья. Причем платье было полупрозрачным...

– Это скорее тебе бояться надо, – хохотнула Эрра. – Я из пустынных хабибов. Я и льва могу в схватке убить.

– А... – Лотта икнула. – У вас... все такие?

– А то. Нас мало, и женщины всегда воевали наравне с мужчинами. Две тысячи. Счет на предъявителя. И спрашивай, о чем хочешь. Только погоди, Даньке скажу, а то решит, что я его бросила и весь вечер дуться будет. Оно и не страшно, но задолбает же обидой.

Лотта кивнула.

Она смотрела вслед уходящей девушке, раздумывая над тем, что, возможно, следует сделать героя этим вот... хабибом... и лев будет. Обязательно.

И подвиг героический.

Любовный роман без героического подвига – это что чаепитие без пудинга. Можно, но невкусно.

В каюту Тойтек вернулся в настроении еще более пога-

ном, чем прежде. Нет, выход на струну был красив. Особенно момент, когда бортовые камеры, прежде чем отключиться, захватили изменяющееся пространство.

Черное пламя.

Зеленые сполохи. И алые ленты, что возникали то тут, то там, чтобы, просуществовав долю мгновения, растаять. И сердце обмирало от осознания, насколько сложен мир. И пожалуй, злило, что никто-то из зевак, заполнивших палубу, до конца не осознавал, сколь удивительно само явление перехода.

Скольжения по струне.

Преодоления расстояний воистину необъятных разумом в столь короткое время. Они смотрели. Пили. Ели. Говорили. Обменивались бессмысленными мнениями. Тупое стадо.

И Тойтек стал частью его.

– Не злись, – дверь каюты закрылась беззвучно, и столь же беззвучно развернулась охранная система. – Прогресс у тебя очевиден, а значит, перспективы неплохие.

Его вытащили из кресла, легко, будто уродливое нынешнее тело ничего-то не весило. Затем бесцеремонно раздели.

Разложили на столе.

И это было столь унижительно, что Тойтек сделал единственное, на что был способен, – закрыл глаза. Следующие полчаса было неплохо, а вот потом...

– Терпи. Боль нормальна. Боль говорит, что ты восстанавливаешься, – он был спокоен и методичен, его мучитель, ска-

тывая и раскатывая несчастное тело, выворачивая суставы, доводя кости до точки, когда еще мгновение – и они треснут.

А потом, когда на спину упала простыня, показавшаяся вдруг невыносимо тяжелой, Тойтек вновь задышал. И дышалось легче.

– Со временем привыкнешь. Полегчает.

Кахрай обошел стол и наклонился к самому его лицу. Вперился бледным взглядом.

– Ур... – первый звук, что вырвался из горла, удивил самого Тойтека.

– Видишь, уже помогает, – бледные губы растянулись в подобии улыбки. – Как тебе наша знакомая?

Это какая?

Ах... рыжая... несерьезная глуповатая особа, которая, как и многие женщины, мнит себя центром Вселенной. Тойтек бы так и ответил. Если бы мог.

– Тоже показалась подозрительной, – Кахрай кивнул.

Она?

Подозрительна? Да, в какой-то момент, но это потому, что в нынешнем положении Тойтек склонен переоценивать опасность. А какая там опасность? Эти рыжие кудряшки. Веснушки. Широко распахнутые глаза, в которых читался искренний детский восторг.

– Согласен... писательница... ага...

Кахрай при всем своем весе умудрялся передвигаться бесшумно. Он будто скользил над полом, чтобы остановиться

то тут, то там.

Передвинул стул чуть левее.

Расправил толстое покрывало на диване. Сдвинул вазочку с цветами от центра. Застыл над аппаратом.

– Кофе тебе нельзя. Чай тоже. А трав я заварю.

Травы его, состав которых Кахрай отказался выдавать, на вкус были редкостной гадостью.

– Откуда писательнице знать о базах? И ведь правду сказала, да... а про отказ кредитоваться? Это, между прочим, закрытая информация.

Ерунда какая-то. Получается.

– Думаешь, слишком несерьезна с виду? – Кахрай наполнил чашку мутным отваром, запах которого ощущался и на расстоянии. – Вот на то и расчет, поверь моему опыту.

Он повел головой и коснулся шеи.

– Мне одна такая вот... несерьезная... едва голову не оторвала, да. Молодым был. Дураком. Тоже не верил, что баб надо опасаться.

Тойтек прикрыл глаза, надеясь, что это в достаточной мере выражает его степень согласия со сказанным.

– Она, конечно, не с Рахха... скорее всего, наемница, благо деньги у них имеются.

Откуда?

– Да вот... приторговывают всяким-разным потихоньку. В основном запретным. Дурной мирок. Его бы под колпак посадить да придавить хорошенько, чтоб не дергались. Но

нет же ж, нельзя... принципы невмешательства во внутренние дела.

Тойтек хмыкнул, вновь соглашаясь.

И чай отхлебнул. Поморщился, но сделал еще один глоток. Тело постепенно наливалось характерной тяжестью, после которой наступит период долгих тянущих болей, а следом, глядишь, и мышцы он ощутит. Или даже дотянуться сумеет.

Мысленно.

– А игра сейчас идет еще та. Думаю, не поскупились бы, да...

Тойтек вздохнул и последним глотком осушил чашку.

– Вот и умница, – сказал Кахрай, поднимая его. – А теперь поспи. Я же... пойду познакомлюсь с нашей красавицей. Думаю вот на ужин пригласить.

Наемницу, которой нужна голова Тойтека?

Впрочем, в чем-то он прав. Врагов следует держать как можно ближе... а ужин... Тойтек с детства ненавидел ужины в компании, но потерпит. Тем более что левую руку как-то слишком уж подергивало, и это подергивание мешало полностью провалиться в сон.

Потом он все-таки провалился и видел Эрику, которая смеялась и говорила, что вакцину назовут ее именем, что, даже если Тойтек встанет на ноги, доказать у него ничего не выйдет. И даже если он попытается, то весь мир узнает правду – Тойтек не гений.

Он идиот.

И вор.

И вообще ничтожная личность...

В общем, не тот был сон.

Эрра любила поесть.

Она по-хозяйски осмотрела номер Шарлотты, заглянула в стазис-камеру, вытащив оттуда поднос с мелкими сладостями.

– Надеюсь, ты не против? – поинтересовалась она, устраиваясь на низкой козетке. Потом закинула ногу за ногу и потянулась. – А ты чем занимаешься?

– Книги пишу.

– И как?

– Пишутся.

– Это хорошо, – Эрра вытащила конфету в золотистой фольге и понюхала. – Привычка... вообще-то сейчас если чего и сыплют, так по мелочи... диарею там вызвать или аллергию. Оно, конечно, неприятно, но еще при дедушке Данечки всерьез травили. Скорпиона опять же могли подбросить, в наряды там или в корзинку с фруктами, да...

– Ужас какой...

– Да не то чтобы... Раньше как? Жили те, кто при дворцах, а мест там немного, вот и пытались каждый в меру своих сил устроиться получше. Это теперь и пособия, и пенсия, и социальная адресная помощь. Не диктатура, а балаган ка-

кой-то... казнить и то перестали. Без повода если.

– Вас это печалит? – уточнила Лотта, включая диктофон.

– Я что, на дуру похожа? Небось дед Данечки живо меня бы на плаху отправил. Или еще куда. А Данечка, он в душе гуманист, хотя ни в жизнь не признается.

Эрра облизала пальцы и вытащила круглую конфету.

– Ты не смотри. Это я от волнения... понимаешь, все-таки такой шанс...

– На что?

– На новую жизнь, – она мечтательно прищурилась, и губы ее пухлые растянулись в улыбке. – Данька, конечно, обидится, но как он меня достал... и остальные... так что тебе?

– Подробности.

– Чего?

– Всего, – решила Лотта. – И... я заплачу. Двадцать тысяч. Этого хватит на первое время. Ты ведь сбежать хочешь?

Эрра кивнула.

– Где?

– На Шеварре. Я смотрела расписание. Причалим ночью, будут менять направление луча. Да и рециркуляторы чистить станут.

А еще дозагрузят десять тон продуктов, свежую питьевую воду, соки и всякие хозяйственные мелочи. Что тоже странно, потому как все это можно было взять на исходной точке, а не делать изрядный крюк до Шеварры.

Нет, логистику тоже проверять придется. Лотта вздохну-

ла.

– Что не так?

– Все не так, – сказала она и почесала за ухом пластиковым пером. – На техническую станцию пассажиров не выпустят. Это во-первых. Во-вторых, на ней же пассажиров не возьмут. Во всяком случае, на приличный корабль, тем более без документов.

– Документы есть, – отмахнулась Эрра. – Данечка паспорта выправил. Ругался, правда. Он же диктатор, его в лицо знать обязаны, а ему паспорт... да, но я свой стащила. Это было несложно. Значит, не пойдет?

– Не пойдет.

– А где пойдет?

Лотта думала недолго, поскольку ответ был ей вполне очевиден.

– Таррас.

– Таррас? – Эрра наморщила лобик и поспешно слизала с пальцев шоколад, который начал таять. – Там же...

– Пляжи. Туристы. Ежегодный поток – более пяти миллиардов человек со всех концов Созвездия, – Лотта откинулась на спинку диванчика. – Соответственно отлично развитая транспортная сеть. Есть прямые рейсы ко всем более-менее крупным мирам, а там и пересесть можно. Это первое. Второе: многие прибывают отдохнуть, и зачастую инкогнито. Кроме пляжей на Таррасе есть комплексы... менее приличного свойства. Игровые дома. Зона... свободных отношений.

Это удалось сказать и не покраснеть, ибо свобода отношений на Таррасе трактовалась весьма и весьма вольно.

– Отчасти поэтому система видеонаблюдения несколько... несовершенна.

Эрра слушала внимательно.

Нижняя челюсть ее мерно двигалась, тогда как сама девушка застыла, словно статуя.

– Тебе достаточно будет зайти в казино и покинуть его через другой выход. Вызвать такси... правда, сначала купишь анонимную кредитку, там это распространено. Доберешься до отеля второй или третьей линии. Или до порта сразу. Сядешь... конечно, данные регистрации скрыть не выйдет, но и получить их можно лишь по ордеру. А такие ордера выписывают крайне неохотно. Таррас свято блюдет право людей на анонимность.

– Спасибо, – задумчиво произнесла Эрра.

А Лотта сочла нужным предупредить:

– Все может оказаться не так и просто. На Таррасе достаточно высокий уровень преступности. Группы не трогают, а вот одинокая девушка...

Одинокая девушка хищно улыбнулась и погладила острие клинка. Он вдруг появился, а потом исчез в складках белоснежного полупрозрачного платья.

– И куда ты дальше? – Лотта поинтересовалась из вежливости.

И еще потому, что сюжет выходил довольно удачным...

юная нежная наложница, пытаюсь избежать встречи с мужчиной, которому была продана, – непременно уродливым и толстым, чтобы читательницы посочувствовали, – решается на дерзкий побег.

И попадает к работорговцам, которые... дальше Лотта пока не придумала, но уже почти увидела, как страдает несчастное дитя пустыни в стальной клетке, как мечется, не зная, что за каждым движением ее следят камеры, а торги уже идут. И вот она в немом отчаянии прижимает руки к вздымающейся груди, прикрытой лишь куском полупрозрачного шелка, и именно тогда ее видит он... ее супруг, который будет вовсе не толст и не уродлив, но слегка покалечен в бою.

С пиратами.

Или работорговцами, чтоб уж потом он их мог победоносно разгромить. Оставалось придумать, как именно его покалечили.

Руку там отрезали.

Или ногу... и ему пришлось поставить биопротез. А может, сразу два? Пусть его вообще чуть не убили, а спасся он чудом... а еще его чуть не убила первая его жена, которая...

Лотта замотала головой.

Потом.

Она сядет и все толком запишет, иначе запутаться недолго.

– Ты это... нормальная? – осторожно поинтересовалась

Эрра, слегка отодвигаясь то ли подальше от Лотты, то ли поближе к конфетам, которых осталась едва ли треть.

– Нормальная. Просто задумалась.

– А... а то лицо такое... ну, такое... – она подняла шоколадный трюфель от «Монан», любимая фирма Лотты, которая, пожалуй, единственная не пыталась заменить какао-масло на его суррогат с ароматизатором, идентичным натуральному. Эрра конфету понюхала и поморщилась.

Многим эти трюфели казались горьковатыми.

– Странно... – Эрра конфету лизнула. А потом поинтересовалась: – А ты тоже с ядом любишь?

– Какао-масло – не яд.

– Я знаю. У меня, между прочим, диплом Винейской высшей школы кондитеров. Какао-масло, к слову, здесь второго сорта. Конечно, по сравнению с другими и ничего, но вот лучше брать высший... а вот ванилла – вполне себе яд.

Она осторожно отложила конфетку на блюдце.

– Ванилла?

– По аромату напоминает ваниль, и по виду тоже, хотя и к другому семейству относится, – Эрра вытерла измазанные пальцы салфеткой. – Но яд из разряда нейрорептиков. Довольно редкий... в гаремах им раньше часто травили. Удобно. Аромат приятный. Вкус относительно нейтральный, хотя именно с шоколадом сочетается плохо, дает очень характерную горечь. А вот если взять творог или сливки, то даже не заметишь. Действует не сразу, а в организме быстро распа-

дается на простые составляющие.

Ванилла...

Лотта про нее читала, как раз когда подбирала подходящий яд для героини из «Ложных надежд», чтобы та уснула, а сон походил на смерть.

Но вот читать – одно, а так...

– Может, ошибка? – робко заметила она.

Но Эрра мотнула головой, и косички ее тоненько зазвенели.

– Меня к жизни в гареме диктатора с малых лет готовили. Я на вкус распознаю сто семьдесят три яда, а еще вдвое больше – по запаху...

– Надо же... какая все-таки сложная жизнь в гареме.

Лотта предпочитала использовать стандартный анализатор, но если обычную еду она продолжала тестировать скорее в силу привычки, то вот конфеты...

– А ты можешь проверить, он... во всех?

– Нет, – Эрра похлопала себя по впалому животу. – В этих не было. А тут...

Она склонилась над подносом. И косички раздраженно перекинула за плечо. Она нюхала одну конфету за другой. И Лотта почему-то не удивилась, когда рядом с первым трюфелем появился второй, следом третий и четвертый.

– Остальное можно есть, – в доказательство своих слов Эрра подхватила неффийскую белую карамель и сунула за щеку. – А жизнь в гареме, она такая... раньше... была... у

Данечки когда-то двенадцать братьев имелось, но выжили трое... один вот сбежал. И я хочу.

– Так плохо там?

– Да не плохо, – Эрра вновь склонилась над подносом. – Совсем не плохо. Фонтаны. Травка. Птички поют. Камни драгоценные сияют. Лежишь у воды и играешь себе на аф-фаре... целыми днями, мать его, лежишь и играешь... я ж от скуки кулинарией и занялась. Некко вон по сети в Высшую экономическую поступила. Рассчитывает теперь втихоря проекты, которые ей советники таскают. И всем хорошо, ей работа и уважение, а они вроде как умные. Другие тоже кто чем... Никса блог ведет. Оппозиционный. Тоже очень уважаемый. Данечка на него подписан. Ахве переводы с языков малых народов освоила. Издает теперь через отца... Культурное наследие, да. А я вот готовлю потихоньку. Только надоело. Меня на Джиннай приглашают, в приличное место сушефом.

– А... просто сказать?

– Данечка обидится. И к отцу отошлет, чтобы разрешения не давать. А тот сперва запрет в доме, а после кому-нибудь опять подарит. Он у меня думает, что если одета, обута и накормлена, то все и хорошо, я же дура, которая счастья своего не понимает. И мама тоже... у нее теперь пять сундуков с украшениями, что еще надо?

Она тяжело вздохнула и, выбрав очередную конфету, заметила:

– Самые приличные у «Тобсперри», хотя и стоят, конечно. Но они и вправду используют кешью, а не махдамский орех. Тот хоть и похож на вкус, но слегка горчит, тогда как кешью сладковаты. И сливочное масло не заменяют другим...

– Не пробовала.

– Попробуй. Понравится. Но они по предварительному заказу только работают, и партии ограниченные. Так что... – она слегка пожала плечами. – На Джиннае меня уже ждут. И устроиться помогут. Главное, добраться.

– Доберешься.

– А то... – Ее пальчики скользнули по рукаву, а глаза затуманились. – Доберусь...

И в этом Лотте почудилась угроза.

Глава 9

Часом позже она стояла, разглядывая четыре трюфеля, которые ни в одной ведомости на погрузку не значились. Перечень сладостей, предназначенных для свит-баров, имелся. И не слишком Лотту порадовал. Все же на корабле подобного класса ожидаешь, что и конфеты будут приличные, а не эконом-класса. Но главное, что трюфель компания не закупила.

И если так... откуда взялись?

Единственный более-менее логичный ответ заставлял Лотту хмуриться и щипать себя за руку. Старая привычка, которая донельзя раздражала что бабушку, что гувернанток, которые по-всякому брались от привычки избавлять... Не вышло.

Лотта вздохнула.

И как поступить? Выбросить в утилизатор? Это было бы правильно, но... Лотта переложила конфеты на блюдце и убрала в стазис-камеру.

На всякий случай.

Зазвеневшие колокольчики заставили ее очнуться. А на экране высветилась знакомая уже фигура. Как фигура... даже на весьма приличных размеров экран вошла лишь часть ее. Та, что затянута черным военным кителем.

Подумалось, что грудь у подобной особи должна быть по-

вышенной могучести, а следовательно, вызывать особо мощный прилив трепета. Однако то ли в отравленных трюфелях было дело, то ли в самой Шарлотте, но она ощутила лишь раздражение.

Не каюта, а проходной двор, право слово...

– Доброго вечера, – вежливо произнес Кахрай и слегка наклонил голову, что при определенных условиях можно было бы трактовать как поклон.

– Доброго, – Шарлотта изобразила улыбку.

– Ваше общество показалось моему подопечному весьма приятным, в связи с чем я взял на себя смелость пригласить вас на ужин, – он произнес эту фразу на одном дыхании и, кажется, завершив, вздохнул с немалым облегчением. – Вы ведь не откажете?

– Ужин? – Лотта нахмурилась.

Помнится, попадался ей в руки роман, где юную и доверчивую героиню заманили на ужин, а там подсыпали в ризотто дурман и надругались.

– Вы ведь еще не ужинали? – уточнил Кахрай. Он не входил, но возвышался на пороге, телом своим загораживая весь проход.

Лотта хотела было солгать, что как раз поужинала, но бабочки в животе вдруг ожили и громко срыгнули, иначе этот звук весьма неприличного свойства и описать было невозможно.

– Нет, – сухо ответила она.

И слегка покраснела.

У настоящей леди в животе не урчит.

– Тогда мы будем рады... какую кухню предпочитаете? Есть на выбор итальянская, мишранская и пустынных миров, но последнее не советую. Не всякий повар способен правильно приготовить печеную змею.

– Тогда...

Вспомнилось ризотто.

– Мишранская, – Шарлотта все же решилась. Возможно, оно и глупо, но и прятаться в каюте тоже не особо умно, тем паче что яд принесли именно в каюту. – Но мне нужно переодеться...

– Тогда ждем вас?

Она кивнула.

Переодеться... во что? Ее багаж распаковали, платья нашли место в гардеробной нише, довольно тесноватой по сравнению с привычной Лотте гардеробной комнатой, но в целом вышло неплохо. И как принято одеваться к ужину? Наверняка не так, как дома, тем паче что длинных закрытых платьев в гардеробе не наблюдалось. А вот остальное...

Лотта вытянула нечто длинное, пятнистого окраса. Приложила к себе. И хмыкнула. Убрала. Достала юбку, показавшуюся в достаточной мере приличной, но именно что показавшуюся. Все впечатление строгого наряда портили вырезы.

Вот кто наденет такое... такое...

С сетчатыми чулками.

Что о ней подумают? Нет, ясное дело, что. Помнится, в «Сладком обманщике» о ее героине тоже плохо подумали, когда она вынуждена была пойти на работу в платье сестры...

Так, книги книгами, а что-то выбрать надо.

Что-то такое... Лотта прикусила губу. В конце концов, если вспомнить о цели ее путешествия, то чулки в сеточку не кажутся таким уж излишеством.

В последнее мгновение она, спохватившись, проверила одежду анализатором. И тяжело вздохнула, заметив, как гаснет зеленый огонек на дисплее. Сигнал Лотта отключила. Что ж... вопрос с чулками можно было считать закрытым. Они отправились в стазис.

Девушка появилась ровно в семь.

И это было подозрительно, поскольку нормальные девушки имели преотвратительную привычку опаздывать, прикрываясь девичьей рассеянностью и необходимостью собраться. Правда, почему нельзя было начать собираться чуть раньше, никто из них не мог объяснить.

Когда спросишь, хихикают. Томно вздыхают. Закатывают глаза, будто речь идет о величайшей женской тайне. А эта вот стоит улыбается. Держит в руках коробочку с глазированными пирожными.

– Я подумала, – коробочку она протянула Кахраю, – что

неудобно идти в гости с пустыми руками. И заказала вот...

– Спасибо.

Когда его ручное чудовище улыбалось, и Тойтеку становилось не по себе. А девица ничего, не шарахнулась, только головой мотнула, и рыжие кудряшки заплясали. Она же вытянула шею, пытаясь разглядеть что-то в глубинах номера.

И Кахрай посторонился.

Пропустил.

Нахмурился.

Это да... вид у девицы был... впечатляющим. Длинная, в пол, юбка колыхалась, и то тут, то там сквозь разрезы в шелке мелькали золотистые девичьи ножки.

Весьма себе милые ножки.

Белая блуза с широким воротом обнажала и шею, и ключички, и плечи, на которых виднелась россыпь веснушек. Волосы Шарлотта убрала под ленту, но рыжие пружинки норовили выбраться и теперь скользили по шее...

Тойтек сглотнул.

И порадовался, что в нынешнем своем состоянии он избавлен от подлых слабостей плоти. Напротив, теперь ему, как никогда прежде, была видна вся бездна женского коварства. Оставалось надеяться, что этот псевдонаивный облик Кахрая не проведет.

– А у вас здесь мило. Почти как у меня, – сказала она, остановившись перед экраном, на котором транслировали запись с разведывательного зонда. Во всяком случае, эта

звездная система с красным карликом была Тойтеку незнакома.

– Стандартный полулюкс, – Кахрай поставил коробку на стол.

– Стандартный... – Шарлотта осмотрелась и ткнула пальцем в экран. – Тоже без возможности сменить тему? Я пыталась. Здесь давно пора было навести порядок.

Это было сказано тихо, но столь решительно, что Тойтек порадовался, что не имеет отношения к кораблю и порядку на нем.

Впрочем, Шарлотта резко отвернулась от экрана и уставилась на Кахрая немигающим взглядом. А тот моргнул растерянно и попятился.

Она же шагнула вперед.

Откашлялась.

И неожиданно низким грудным голосом поинтересовалась:

– Как ваши дела?

– Хорошо, – Кахрай несколько поспешно переместился за кресло. – Мы рады, что вы тут.

– И я. Рада.

Это прозвучало несколько мрачно, почти обреченно.

– Прошу к столу... – Кахрай поставил кресло так, что Тойтек оказался перед девицей, которую, впрочем, сам он интересовал постольку-поскольку. Внимание ее было приковано к Кахраю. И это... обижало.

Пожалуй.

Тойтек привык, что обычно у женщин хватало ума vybrать действительно стоящего партнера. А эта... эта его будто и не замечала. Нет, конечно, он говорить не способен и вообще скорее растение напоминает, но это ведь еще не повод вот так... С другой стороны, если подумать, то опасен для нее именно Кахрай. Он стоит между девицей и Тойтеком.

И как-то от осознания этого стало... слегка не по себе.

Пальцы левой руки нервно задергались.

Спокойно.

Не будет же она убивать прямо здесь? Это, в конце концов, подозрительно... и вообще... нужно взять себя в руки. Он взрослый, серьезный человек. Он не станет паниковать по пустякам. Вдохнет поглубже, постарается улыбнуться, насколько это вообще возможно в его ситуации. И будет тихонько сидеть, предоставив Кахраю честь общаться с сомнительной этой особой.

Пальцы заскребли по подлокотнику, и мох поспешно отозвался, потянулся к ним, облепил бледными нитями, поглощая кожный жир и налипший мусор.

Вот же...

И кто придумал, что это удобно? Ощущение было, словно тебя жрут.

А главное, девица остановилась в центре гостиной и замерла, уставившись куда-то на стену. Затем взгляд ее переместился к дверям в туалетную комнату, в спальню, явно от-

мечая расположение их. Поднялся к потолку, скользнул по стенам... Ищет скрытые охранные системы?

По позвоночнику побежал холодок.

И вправду профессионалка.

– А вы когда-нибудь играли на бирже? – вдруг поинтересовалась девица и вперилась немигающим мрачным взглядом, который совершенно не вязался с ее наивным личиком.

Лотта нервничала.

Определенно.

Ей раньше не случалось оставаться наедине с мужчиной. То есть случалось, конечно, но дворецкий, и лакеи, и даже директора – это ведь совсем не то, что сейчас.

А сейчас... да, она действительно нервничала, потому что ее разглядывали. И известный ученый, который с прошлого раза не стал выглядеть более живым, и его... сопровождающий.

Именно.

И так внимательно. Очень внимательно. Слишком даже внимательно, отчего у Шарлотты появилось почти непреодолимое желание немедленно вернуться к себе, потребовать нитку с иглой или одежный клей и запаять треклятые разрезы на юбке. А то ведь то колено в них вывалится, то даже бедро, и до самой резинки чулок. А блузка, в собственном номере Шарлотты сидевшая вполне плотно, едва ли не монолитно, вдруг стала съезжать, и главное, потихоньку так, то с левого

плеча, то с правого, то сразу с обоих, грозя поставить Шарлотту в вовсе уж неудобное положение.

И, нервничая, она ляпнула глупость.

Хотя, конечно, блокировка возможности переключения каналов на внутренних экранах в люксовой палубе – это совсем даже не мелочь, это вопиющая бесхалатность и неуважение к пассажирам.

А потом эти люди еще на убытки жалуются. В туристической сфере конкуренция сейчас запредельная, каждая мелочь важна. Лотта заставила себя тряхнуть головой и отложить возмущение до тех пор, пока не появится возможность поработать. А сейчас...

Она вздохнула.

Осмотрелась, стараясь не цепляться взглядом за неприятные мелочи вроде полной непригодности каюты для людей с особенностями физического развития.

Двери между зонами слишком узки, и кресло в них если и проходит, то с трудом.

Пандусы отсутствуют.

Система моментальной связи... нет, она не отключена, но и не видна. Может статья, работает она в штатном режиме, но после всего увиденного Шарлотта очень в этом сомневалась.

А пауза все длилась и длилась.

И с нею возникло чувство неловкости. Блузка опять поехала... как их вообще носят? Одно неловкое движение и...

Надо о чем-то поговорить. Но о чем говорят с посторонними мужчинами? Женские журналы советовали выбрать тему, мужчинам интересную.

О спортивных карах, например.

Или о бизнесе.

В карах Шарлотта ничего не понимала, у нее имелся бабушкин лимузин, которого вполне хватало для редких выездов, а кары... у кузины вот был. Раз в полгода она попадала в аварию, после чего Шарлотте приходилось возиться с бумагами, добиваясь, чтобы случай признали страховым и выплатили компенсацию, которой обычно хватало на приобретение нового кара, а тот... Нет, о карах говорить совершенно не хотелось. А о кухне не хотелось и думать.

Лотта сделала глубокий вдох и поинтересовалась как можно более небрежным тоном:

– А вы когда-нибудь играли на бирже? – правда, она слегка запнулась, но кажется, этого не заметили.

Тойтек прикрыл глаза.

Дважды.

– Да, – сказал Кахрай и пальцем указал на подопечного. –

Он. Говорит.

– А он может говорить? – оживилась Лотта.

– Моргает.

– А... очень... содержательно. А вы, значит, не пробовали? Если решите, то настоятельно рекомендую обратить внимание на фармацевтику. Весьма перспективное направ-

ление, а главное – стабильное. В целом доход дает небольшой, поскольку рост все же не взрывной...

Не дожидаясь приглашения, она присела на край диванчика, и коварная юбка тотчас воспользовалась ситуацией. Полосы ткани соскользнули, обнажая ноги едва ли не до края чулок. А стоило шелохнуться, как и край стал виден. Лотта подозревала, что если она снова пошевелится, то будет виден не только край, но и ее белье, пусть весьма пристойной фирмы, но это же еще не повод его демонстрировать!

Она заставила себя сидеть смирно.

В конце концов, она может и не заметить, что... и если они джентльмены, то тоже не заметят.

Тойтек поспешно заморгал.

– Да, я тоже думаю, что это наиболее стабильно развивающаяся отрасль. В рудной добыче, конечно, разовый доход по акциям может быть выше, но и риски тоже. Помнится, в позапрошлом году «Крево» едва не разорились, когда приобрели лицензию на добычу металлов в поясе Миракла, а оказалось, что данные разведки действительности не соответствуют...

Она подняла глаза к потолку.

– Поэтому все-таки фармацевтика. Особенно старые, надежные компании вроде «Фармтека»... – она покосилась на ученого, которому должно было быть приятно. Лично Лотта испытывала радость, когда кто-то хвалил ее компании. – У них хорошая научно-производственная база, что и позволя-

ет держаться на плаву. За последние три года они представили к лицензированию более полутора сотен средств. Большинство, конечно, представляет собой более удачные модификации старых патентов...

Кажется, она несет чушь.

Точно несет. Иначе почему на нее так смотрят? И Кахрай, и Тойтек... в его взгляде Лотте почудилась весьма откровенная ненависть.

Странно.

Но ведь правда же. Фокус старый. И многие им пользуются, когда выходят сроки уникального лицензирования.

– Хотя... – она заставила себя не обращать на их взгляды внимания. – Последние несколько лет были менее успешными. Да еще и кредиты на модификацию производств... если они не выпустят ничего более-менее интересного, то с доходами могут возникнуть проблемы.

– Надеюсь, вы ошибаетесь, – Кахрай развернул кресло и подтолкнул его к столу. – А про Рахх что скажете?

– Рахх? – Лотта нахмурилась, пытаясь вспомнить, где же слышала это название. – А... да... тоже пытаются заняться фармацевтикой, амбиции большие, а ресурсы маленькие. На диво беспокойный мир.

Кахрай смотрел.

На нее.

И на плечи. И на ногу тоже, отчего ноге стало жарко. А может, не от взгляда, а от неудобной позы, сменить которую

Шарлотта откровенно боялась.

– Настоятельно не советую связываться. За последние полсотни лет там семь раз менялось правительство и два раза происходила национализация, вследствие которой многие компании лишались своей собственности. Были, конечно, суды, но Совет признал, что Рахх в своем праве. Страховые-то компенсации выплатили, но это тоже дело небыстрое...

– А сейчас там что?

– Сейчас... – Лотта почесала кончик носа. Хорошо, что она к делу относилась серьезно и читала все сводки, пусть даже не касавшиеся напрямую дел корпорации. Никогда не знаешь, что тебе пригодится. – Сейчас к власти пришли радикальные реформаторы, которые поставили целью полное преобразование промышленного комплекса. Под это дело им выделили очередные кредиты. И да, Рахх решил заняться фармакологией. Но вряд ли что-то получится.

– Почему? – в голосе Кахрая скользнули бархатные нотки, которые настолько не вязались с огромным этим человеком, что Шарлотта вздрогнула.

А перед ней появилось блюдо с лазурными устрицами.

Вот так взяло и появилось.

И главное, правильное, вытянутое, посыпанное розовым льдом, в котором виднелись листья настоящей мяты. Лед медленно таял, а панцири темнели. Еще немного, и появится весьма характерный пурпурный оттенок, показывающий,

что мясо охладилось в достаточной степени, чтобы быть пригодным к еде.

– Потому что фармацевтика – это не столько технологии, сколько специалисты. Какой толк в секвенаторах, если нет никого, кто умеет ими пользоваться? А изыскания – это даже не использование, это научный поиск, и он требует не только высочайшей квалификации, но и особого стиля мышления. Сейчас почти все более-менее серьезные исследователи связаны контрактами.

Тойтек моргнул дважды.

А Лотта мысленно поздравила себя с тем, что она не просто дура, но круглая дура. Он же как раз и занимается исследованиями в области фармацевтики. А долю в компании получил в обмен на патенты.

Кстати, довольно толковые.

– Они могли бы занять нишу производства по лицензии, – Шарлотта аккуратно подхватила первую раковину и, полив соком лайма, поднесла к губам. Мясо оказалось правильным.

Свежим.

Слегка сладковатым. Мягким. Хотя... чувствовалась легкая горчинка, которая появляется после стазиса.

– Но это опять же потребует строгого контроля и унификации производства, а доход даст относительно небольшой, что, как понимаю, их не устраивает. Насколько знаю, их рекрутеры пытаются собрать свою команду, выискивают моло-

дых и талантливых, завлекая их на Рахх, но если система и заработает, то лет через двадцать, если не позже. А двадцать лет для Рахха... – Лотта проглотила вторую устрицу и запила ее острым морковно-имбирным супом, который подали в крохотных стаканах.

Мишранская кухня в целом ей нравилась.

Правда, бабушка ее не жаловала, как, впрочем, и любую иную, кроме истинно британской.

– Вы так хорошо во всем разбираетесь, – мурлыкнул Кахрай, который устрицы ел, но как-то... неловко, что ли. Было ясно, что он их то ли не любит, то ли не имел прежде дела с едой столь специфической.

Взял синюю и поморщился.

И будь Лотта не так хорошо воспитана, она бы сказала, что голубые устрицы в принципе ядовиты и что потреблять их в свежем виде – не самая лучшая затея. Именно поэтому их и отправляют на лед, что под воздействием холода аратонин, собственно и придающий специфическую окраску, начинает разрушаться.

Но Лотта была воспитана слишком хорошо.

А потому мысленно от души посочувствовала Кахраю. Умереть он не умрет, но вот блюда мишранской кухни вновь попробовать рискнет нескоро.

Глава 10

Когда девица убралась, Тойтек застонал.

Тело ломило.

Крутило.

И мутило. Впрочем, последнее – исключительно от антиспазмолитиков, которые в него впрыснуло чересчур умное кресло, решив, что уровень ригидности мышц чересчур уж высок.

Мутило давно.

Но Тойтек держался. И как выяснилось, не только он. Стоило девице выйти за дверь, и Кахрай опрометью бросился к туалету, где и заперся. А когда все-таки вышел, то вид имел бледный и донельзя печальный.

Сам виноват.

Нечего тянуть в рот малознакомую еду. Справедливости ради, Тойтек тоже как-то имел неосторожность попробовать голубые устрицы с аналогичным исходом.

– Проклятье, – Кахрай вышел сгорбившись, двигаясь очень плавно и очень медленно. – Она меня что... отравила?

Тойтек закрыл глаза.

– Нет... стало быть... говорила мне мама, не ешь всякую... несвежие, что ли? Снова «нет»? Чтоб...

Он снова скрылся в туалете, чтобы появиться через четверть часа взмокшим и бледным.

– В следующий раз... скажи... чтобы не выпендривался... картошка жареная... и никаких, мать его, синих устриц...

Кахрай добрался до дивана, на который лег осторожно, бочком. Он подтянул ноги к груди и издал тяжкий вздох.

– Кому сказать... устрицы... а ведь хороша, правда? Заметил... и главное, наглая какая! Та история... фальсификация данных... так и не удалось найти того, кто их подменил... наши поговаривали, что женщина сработала... Химера кличка... если и вправду она, то есть смысл тебя назад отправить. Не уберегу... не факт, что уберегу.

Он дышал тяжело, а ведь съел не так чтобы и много. Да и давно должно было легче стать, но не становилось. Индивидуальная непереносимость? Кахрай вяло поднял руку и снял браслет.

– Треклятый корабль... где целитель? Давно должны были данные получить... считают же... никакого порядка.

Впрочем, жаловался он зря. Не прошло и десяти минут, как в дверь постучали, а затем, не дожидаясь приглашения, ее же и открыли.

Конечно. У медицинской службы, как и у службы безопасности, должен быть универсальный ключ. Целитель Тойтеку не понравился. Чересчур суетливый и какой-то нервозный, словно сомневающийся то ли в своих силах, то ли вообще в необходимости их применять. Он кружил над Кахраем, бестолково хлопал руками, то опускал их, то поднимал и тряс, и многочисленные инфокристаллы, нанизанные на нить, раз-

дражающе звенели.

– Вы не указали, что у вас индивидуальная непереносимость лазурных устриц, – в конце концов заявил целитель тоном, от которого даже Тойтеку стало совестно. – Компания не несет ответственности в случаях, когда пассажиры...

– Лекарство дай, – попросил Кахрай, закрывая глаза. – Нет претензий... просто... лекарство.

И целитель, изрядно повеселев, плеснул в бокал чего-то буроватого и с острым запахом. Неужели здесь до сих пор практикуют молосскую смесь?

Да они б еще касторкой лечили!

Возмущение было столь сильным, что Тойтек прохрипел:

– Арс...

– Что, простите? – целитель повернулся, сложив пухлые ладони на животе.

– Арс... стен... астен... ин, – к собственному огромному удивлению, Тойтеку удалось выдавить название нужного препарата.

– Астенин? – целитель, что было вновь же удивительно, его понял. – Да, понимаю, крайне эффективное средство, но оно не входит в стандартную комплектацию медицинского центра. К сожалению, да... но у нас есть платная аптека и если вы хотите...

– Хочу, – рявкнул Кахрай, сгибаясь от очередного спазма. – Очень... хочу...

Прозвучало донельзя жалобно.

Ночью Лотта спала на удивление спокойно. И без снов, что несколько огорчило, поскольку собственные сны, зачастую куда более яркие, чем жизнь ее, она любила вполне искренне. Зато проснувшись в привычное время – корабельные часы показывали половину шестого, – Лотта поняла, что не представляет, чем заняться.

Нет нужды переодеваться к завтраку.

Да и до завтрака еще почти два часа, если, конечно, не ждать и не делать индивидуальный заказ. Но сегодня Шарлотте совершенно не хотелось завтракать в каюте. Она пойдет в ресторан.

Точно.

Возьмет и пойдет.

Бабушка говорила, что рестораны придуманы затем, чтобы не приводить в дом недостойных людей, с которыми все же приходится иметь дело, а потому приличная девушка должна всячески избегать подобных мест, но Лотта... Лотта начинала думать, что бабушка, сколь бы гениальным финансистом она ни была, в некоторых вещах все же ошибалась.

Однако пока ресторан был закрыт.

Утренние сводки отсутствовали по причине нерабочей связи. Писать не хотелось, а хотелось чего-то такого, чтобы душа запела.

Быстренько умывшись, Лотта собрала волосы в хвост, вытащила из шкафа майку, разукрашенную пчелами, и полоса-

тые мягкие брючки.

В коридоре было пусто.

Совсем пусто.

Лотта сделала несколько шагов и прислушалась к этой пустоте. Вздохнула, и собственный вздох показался оглушительно громким, а потом подпрыгнула на месте и побежала так быстро, как могла.

Юные леди не бегают.

Не прыгают.

Разве что в гимнастическом зале под присмотром инструктора, который заставит бегать и прыгать правильно, но это разве в удовольствие? Впрочем, юные леди не думают об удовольствии, зато думают о приличиях, и только о них.

Лотта встала на руки и сделала несколько шагов, наслаждаясь самой возможностью. А еще утром. Безлюдностью корабля и собственной лихостью. А потом, кувыркнувшись, она вскочила и продолжила забег. Нет, где-то внизу был и спортивный зал, и беговые дорожки, что малые, что большие, проложенные по краю парка. Имелся здесь и бассейн.

И сауны.

И площадка для пустынного гольфа.

Но не то... пока ей просто бежалось. Ноги мягко пружинили, дыхание выровнялось само собой, и сердце стучало, захлебываясь от восторга, который закончился, когда перед Лоттой вдруг появилась чья-то спина. Она возникла будто из ниоткуда, и конечно, Лотта в нее врезалась.

С разбегу.

К утру полегчало.

То ли лекарство наконец подействовало, то ли сам организм сумел побороть изысканный деликатес, но полегчало. Кахрай даже пару раз в сон проваливался, правда ненадолго. Пробуждение сопровождалось желудочными спазмами и острым желанием блевать. Правда, когда Кахрай пытался, то изо рта вытекали лишь нити вязкой слюны.

Чтоб он еще раз с экзотикой...

Наслушался.

Начитался... изысканный деликатес, способный покорить любое сердце... сердце покорилося, вон, трепыхается в груди, а он, даром что за спиной три десятка лет службы в особом подразделении, беспомощней кутенка. Даже в тот раз, когда его подстрелили, отправив в больничку на два месяца, и то столь погано не было. Тогда он просто тихо лежал в искусственной коме, а теперь вот...

Кахрай с трудом добрел до ванной.

Холодный душ принес облегчение, а с ним и острое чувство вины. Хорош защитничек... его теперь вилкой одолеть можно. И тут же кольнуло беспокойство: как там клиент? Кахрай осторожно заглянул в смежный отсек, убедившись, что клиент вполне себе жив. Спит в своем кресле, которое, подчиняясь биоритмам, растянулось, превращаясь в этакую капсулу-кровать. Правда, выглядело жутковато. Мхи рас-

ползлись, затянув и руки, и ноги этаким серым покрывалом, укутали и голову, перебрались даже на лицо. Производитель обещал создание уникальной среды, чей микроклимат идеален для человеческой кожи, но обещать – это одно, а если мох сожрет клиента, спрашивать станут не с производителя.

Впрочем, прислушавшись к дыханию Тойтека, Кахрай был вынужден признать, что тот пока спит. Да и общие параметры, что высветились на экране, вполне соответствовали норме.

Пульс.

Сердечный ритм. Насыщенность кислорода кровью... хоть кому-то хорошо. И согнувшись – пока никто не видит, можно и слабость проявить, – Кахрай побрел к себе. Он рухнул на узкий лежак и прикрыл глаза, надеясь подремать еще хоть полчаса. Время раннее, а сон и вправду лучшее лекарство. Но не вышло. Вот ведь... когда-то он умел проваливаться в сон по собственному желанию.

Все в группе умели, зная, как редки минуты затишья. Вот и пользовались полной мерой.

Давно это было.

Из группы той только трое и уцелели, причем сам Кахрай под списание пошел. И маяться бы ему дурью в каком-нибудь тихом мирке второго класса, если бы не то предложение. Он понимал, насколько ему повезло. И предложение было вполне честным. А уж когда с Эммой несчастье случилось... да, нынешнее задание он не имеет права провалить.

А значит, надо вставать.

Принять чертово лекарство, от которого рот будто склеивает. И делом заняться.

Кахрай подвинул к себе планшетку. Если лечь на спину, подтянуть колени к груди, то вполне себе терпимо получается.

Взломать систему безопасности лайнера оказалось на удивление легко. И эта легкость весьма обеспокоила. Они совсем тут страх потеряли? Забыли, что случилось с «Альбертиной»? Двадцати лет не прошло, а тут... докладную он составит. Пусть хозяин и не имеет отношения к лайнерам, но найдет куда передать. А пока... пока Кахрай скачал список пассажиров.

И расположение кают.

Шарлотта Харди. Двадцать пять лет. Не так и юна, оказывается. Личное дело... простенькое дело. Родилась. Училась.

Жила.

Новая Британия, стало быть. Так себе мирок. Сплошная, мать его, аристократия, которую Кахрай искренне недолюбливал, совершенно не понимая, какое отношение вереницы благородных предков имеют к настоящему. Случалось ему работать на охране этих, мать их, аристократов...

Ни одного хорошего слова в голову не приходило.

С другой стороны, рыженькая на аристократку походила ничуть не больше, чем сам Кахрай. Слишком она... яркая, что ли? На Новой Британии свято чтут традиции, там в моде

худоба и бледность, степенность и платья в пол, а не...

Вспомнилась вдруг ножка, обтянутая золотистым чулком. Округлая коленка, мягкая линия бедра... и на воспоминания эти живот отозвался болезненным урчанием.

Не сейчас.

И вообще не стоит обманываться. На то и расчет был. Показать, заинтересовать. Соблазнить. Женские ножки – древнейшее оружие, а главное, что не потерявшее эффективности.

Кахрай поерзал.

Что еще?

А ничего. В библиотеке корабля нашелся с десяток романчиков авторства Шарлотты Харди. И биография, столь же безлика, но вполне перекликавшаяся с основными данными. Правда, снимка не было. А если по контекстному поиску?

Пара статей в блогах средней руки.

Их Кахрай прочел весьма внимательно. И дважды. И даже трижды. Хмыкнул. Вот, значит, как... самая таинственная персона десятилетия... снимков нет. Личная страница в сети имеется, но посвящена исключительно творчеству. Пара сотен поклонников, картинки, клипы и прочий мусор. И вновь же ничего действительно полезного.

Расследование, предпринятое то ли фанаткой, то ли совсем даже напротив, убедительно доказывающее, что никакой Шарлотты Харди не существует, а следовательно, под

псевдонимом работает группа... спор под постом.

Доводы за.

И доводы против. И вновь же никакой реальной информации, кроме, пожалуй, скрина с портала госуслуг, где ясно видно, что Шарлотты Харди в гражданских списках не значится. Кахрай хмыкнул и потер глаза, которые медленно наливались болью. Интоксикация, мать его... но ничего, устрицам его не одолеть.

Он попытался подключиться к локальной сети каюты.

Трижды.

Четырежды.

И две подгруженные программы, использование которых гражданскими лицами было абсолютно незаконным, но, следовало признать, весьма эффективным. Раньше. А сейчас... сейчас Кахрай был вынужден признать полную свою несостоятельность.

Что бы ни поставила девица, ее программы оказались куда серьезней, чем вся защита этого гребаного лайнера. Писательница... мать ее... любовных, чтоб их, романов...

Кахрай сполз с кровати и встал на четвереньки.

Отпускало. Медленно, с трудом, но отпускало. А значит... значит, он наведается в гости лично. По губам расплзлась кривая улыбка.

Наведается, а там...

Не появилось еще на свет девицы, которая помешает Кахраю исполнить свой долг.

Ожил зуммер на запястье, показывая, что клиент соизволил проснуться. Начался новый чудесный день.

Глава 11

Данияр Седьмой выбрался из каюты, слишком тесной и убогой, чтобы оставаться в ней надолго. Нет, новая знакомая была хороша и сполна оценила свою удачу. Она старалась угодить мужчине, что не было оставлено без внимания.

Данияр умел быть щедрым.

И оставил в благодарность браслет с четырьмя топазами, из тех, что взял с собой именно для подарков знакомым. Правда, под конец вечера, когда дело, собственно, дошло до постели, стало невыносимо скучно, будто он вновь вернулся домой, разве что исчезли поющие камни, трава, фонтаны и райские птицы, оставив тесноватую постель с матрасом заданной жесткости и стены из поддельного дерева.

Нет, девица была вполне настоящей.

И милой.

Но все-таки... все-таки хотелось иного. Об этом он думал, когда покидал каюту. А потом в него врезались. И едва не опрокинули на пол, благо сработали вбитые намертво рефлексы. У Данияра вышло повернуться и перехватить нападающего, прижать его к стене.

– И-извините, – сказал до боли знакомый голос.

И руки разжались.

– Это вы меня извините, – Данияр отвесил поклон рыжеволосой девушке, которая выглядела донельзя смущенной.

Вот только запястья потирает, а ведь схватил он с немалой силой. – Я задумался...

– Я тоже... – Она спрятала руки за спину. – И получается, что на вас напала...

– Это мне льстит. – Наверное, следует ей тоже что-то подарить, потому как неудобно вышло. Прежде Данияр никогда не причинял вреда женщинам. А тут вот... – Когда еще на меня нападёт столь прелестная особа...

Щеки Шарлотты порозовели.

– Позвольте? – Данияр протянул руку, и после секундного колебания ее коснулась узкая ладошка. – Я не слишком сильно вас схватил? Может быть, вы мне позволите проводить вас в медпункт к целителю?

– Пустяки.

На белоснежной коже проступили пятна будущих гематом. И это категорически не понравилось Данияру.

– Вы ведь не специально. – Шарлотта убрала руку за спину. – Мой тренер порой и куда резче действует. Однажды так прошелся клинком по... спине, что я неделю завтракала стоя. Обедала и ужинала тоже, да...

– Это жестоко!

– Ничуть, – она улыбнулась. – Тот удар я могла отразить, но зазевалась. А что до жестокости, то если хочешь чему-то научиться, надо учиться как следует...

– Мои наставники придерживались таких же взглядов, – Данияр искренне улыбнулся.

О да, помнится, славный Шихкар, лучший мечник всей диктатуры, бывал весьма безжалостен, и после занятий с ним порой хотелось просто лечь и умереть.

Пусть боги примут его душу...

А следом пришла печальная мысль, что наставник не одобрил бы... и не просто не одобрил бы, он бы в ярость пришел, а затем взял бы клинок и заставил Данияра вспомнить, кто он есть на самом деле.

– А чему вас учили?

– Всему понемногу, – Данияр понял, что идет рядом с новой своей знакомой, совершенно не понимая, куда и зачем. – Работе с короткими клинками.

Она кивнула.

– И со средними... сабли, само собой... родовое оружие...

– Может... – Конопатый носик сморщился. – Вы покажете? А то я давно как-то... вот... уже неделю почти в зал не заглядывала. Тренер огорчится. А мне бы не хотелось его огорчать. Чревато...

И потерла тонкую руку с синяком.

– Буду рад, – неожиданно для себя ответил Данияр. – Когда?

– Сейчас? – янтарные глаза блеснули. – К чему откладывать?

– Но... я не одет...

– Думаю, здесь найдется форма.

Форма и вправду имелась, правда, одноразовая и, что гораздо хуже, сделанная из ткани столь тонкой, что Шарлотта сомневалась, способна ли та выдержать нормальный спарринг. Зато зал порадовал и размерами, и базой – более трех тысяч образцов с возможностью создания моментальной реплики. И неплохого качества.

Она выбрала привычную женскую саблю с Эррдана. Свежеотпечатанная, та пахла пластиком, а рукоять была чересчур уж скользкой, но проблема решилась, стоило обмотать ее широкой лентой. Данияр же взял парные клинки.

А он изменился.

Выбрался из многослойных своих одеяний, облачился в стандартный комбез, который лишь подчеркнул уютную мягкость фигуры. И брюшко наметившееся обрисовал. Впрочем, Лотта не обманывалась: клинки ее новый знакомый держал вполне уверенно. Да и двигался с необычайной легкостью. Вот остановился в центре круга, тронул запястье, активируя личную защиту.

И поднял клинки.

А Лотта подумала, что это тоже могло бы стать сюжетом. Она – гордая фехтовальщица, вынужденная бросить карьеру и теперь живущая за счет частных уроков, а он – потомственный аристократ, для которого все, кто стоит ниже, не люди... и внезапно вспыхнувшая страсть.

Звон клинков.

Сближение тел.

Сближение случилось слишком уж стремительно, и острое сабли скользнуло по костюму, оставив за собой алый след.

Проклятье!

Этак он решит, что Шарлотта кокетничает... ну уж нет. И следующий удар она отразила, пусть не так легко, но все же... загудело поле, отрезая бой от остального зала...

– ...Ты посмотри, – Кахрай нависал над головой. – Нет, посмотри, как двигается...

Кто?

Тойтек вообще мало что понимал. Он искренне полагал глупостью парные бои, да и все это ненормальное повальное увлечение оружием, которое в условиях современного мира давно потеряло свою функциональность. Какой смысл в сабле, когда ответом на удар станет плазменная вспышка?

Но тут...

В этом поединке и вправду было что-то донельзя притягательное. Эти двое сходились. И расходились в безумном танце, слишком быстром, чтобы глаз человеческий способен был уловить детали. Камеры выхватывали то клинки, то лица. Нахмуренное – мужчины, явно не ожидавшего, что рыженькая девушка даст отпор. И сосредоточенное – самой девушки.

Сближение.

И уход.

И вновь сближение. И утомленные танцем, эти двое кружат друг напротив друга, не сводя взгляда, и кажутся уже одним целым, что определенно не нравится Кахраю. Тойтек с удивлением отметил, что его сопровождающий хмурится.

И злится.

Точно злится. Вон дернулась губа, будто Кахрай собирался оскалиться. Руки сжались в кулаки... громадные кулаки. Голова опустилась, шея исчезла, а комбез на спине натянулся, того и гляди треснет, не выдержав напора мышц.

С чего бы это?

Но вот мужчина на экране уронил клинки и поклонился, а девушка ответила ему таким же церемонным поклоном. Он что-то сказал – жаль, звук система не передавала, – а он ответил. И девушка рассмеялась, отчего Кахрай прищурился. И ноздри его раздулись. Не человек – почти животное, крайне притом агрессивное.

– Ч-ш-то, – выдавил из себя Тойтек. После вчерашней удачи он почти до утра мучил себя и свой ротовой аппарат, который все ж таки соизволил ожить. Хоть как-то. Пусть большая часть звуков оставалась непроизносимой, но ведь прогресс же!

Всяко лучше, чем полное молчание.

– Что? – переспросил Кахрай, разворачиваясь всем телом. И столько было в этом движении угрозы, что, если бы Тойтек способен был двигаться, он бы отшатнулся. – А... против ахайорца, конечно, она не тянет, даже против такого...

Он презрительно скривился.

– Видно, что давно не тренировался. Но хорош... их едва ли не с младенчества учат.

Тренированным ахайорец не выглядел. Скорее наоборот. Тойтек в прежние времена куда больше времени уделял физической форме. А этот... невысокий, пухловатый, пусть даже эта пухлость и не выглядела отталкивающе. Круглые щеки, мягкий подбородок, под которым наметился второй. Подушки плеч и явные очертания живота, что для мужчины вовсе недопустимо.

Мужчина снова поклонился.

И рыжая, сложив руки, тоже согнулась, но как-то хитро. А мужчина рассмеялся.

– Вот скажи, – задумчиво произнес Кахрай, – тебе известны особенности ах-айорского церемониального поклона, которым положено приветствовать человека, пусть и равного тебе по крови, но стоящего выше?

– Т-тебе?

– Мне? Мне известны. Пришлось работать там... по интересам фирмы. Так что кое-что я знаю, но изобразить не рискну. Слишком много мелочей. Обрати внимание, локти не прижаты, как делают низшие, но и не растопырены, что указывало бы на неуважение к тому, кому предназначен поклон. Взгляд устремлен на собеседника... И это только часть.

Он покачал головой.

– И откуда, спрашивается? Если это случайная встреча...

или неслучайная? – он поскреб щетинистую щеку. А Тойтек не нашелся с ответом. Зато вытянул губы и загудел, попытался достать языком нёба, а затем щек. Язык слушался плохо, а щеки ощущались как толстая резина.

Ничего.

Он справится. Со всем. И вернется в лабораторию. И работу завершит. И войдет в историю как человек, которому удалось одолеть чуму.

Рыжая девица не выходила у Кахрая из головы.

Она покинула каюту еще до шести утра, что было категорически ненормально для отдыхающих девиц, а затем, потянувшись – и легенький костюмчик облепил ее тело, будто рыжая знала, что за ней наблюдают, – бросилась бежать.

Глупо.

К чему бегать по корабельным коридорам, когда есть специальная зона с климатическим зонированием и возможностью выбрать тип покрытия, равно как и характер местности? Но она бежала.

Быстро.

Мягко.

Весьма технично, что вновь же... кто ей эту технику ставил? А главное зачем?

Потом же состоялась встреча, которая чем дольше Кахрай думал, тем менее случайной выглядела. Это столкновение. Почти объятия, из которых Лотта выскользнула весьма лов-

ко, оставив у ахайорца, не привыкшего к убегающим женщинам, чувство легкой неудовлетворенности.

Поединок.

И разговор ни о чем. Кахрай старательно читал по губам, но ничего особенного прочесть не сумел. Он покосился на подопечного, который старательно корчил рожи, при этом умудряясь выглядеть вполне серьезным и даже возвышенно-вдохновенным. На стоянке следовало отписать шефу, что прогресс имеется, и немалый, что хорошо.

Очень хорошо.

– Массаж? – Кахрай скорее ставил клиента в известность, чем и вправду спрашивал. Но тот ответил почти внятно:

– Та.

Тело под руками было ослабленным и каким-то иссохшим. Мышцы – натянутыми, что струна. И Кахраю приходилось действовать очень осторожно. Казалось, любое усилие приведет к тому, что мышцы порвутся, а кости затрещат.

Но клиент терпел.

Ему наверняка было больно, а он стиснул зубы и лишь иногда тяжело вздыхал. А рыжая все одно не шла из головы. Кахрай то почти убеждал себя, что цель установлена, то вдруг начинал сомневаться. Будь рыжая и вправду Химерой, стала бы она столь откровенно демонстрировать свою инаковость? Химера умна.

Опытна.

На том деле с измененными данными, которые ушли в си-

стему одни, а пришли другие, в итоге едва не свалив крупнейшего игрока на рынке добычи руды, она вовсе не показала. То есть потом уже, по факту, люди вспоминали женщину, но вот какую именно...

А тут...

Яркая.

И внимание привлекает. И все эти мелочи... Химера должна понимать, что незамеченными они не останутся. Тогда зачем демонстрирует? Причем столь нагло?

Клиент вяло трепыхнулся, и Кахрай поспешно убрал руку с его плеч. Надо же, задумался, этак и раздавить недолго. Шефа это не обрадует. Ему этот заносчивый засранец нужен живым и, по возможности, здоровым.

– Что ж... продолжим знакомство? Как насчет ресторана?

Узнать, где зарезервировала столик рыжая, оказалось несложно, как и изменить схему рассадки. И это прибавило Кахраю оптимизма.

Надо присмотреться.

Наблюдать.

Ждать.

Тогда рано или поздно, но все встанет на свои места.

В покои свои Данияр Седьмой возвращался в приподнятом настроении. Тело пело. Знакомо и приятно тянуло мышцы, отвыкшие от нагрузок, пусть и столь малых, как нынешняя, но главное, сама схватка, недолгая, стремительная, как

осенний дождь над пустыней, заставляла Данияра пританцовывать.

Ах, как ему этого не хватало.

А главное, женщина... если бы кто узнал, что он, Потомок Богов и Попиратель Вселенной, Вершитель Судеб, Великий Караванщик, скрестил клинки, пусть и не священные, а из модифицированного пластика, с женщиной...

Данияр расплылся в улыбке.

Чувство было сродни тому, как тогда, в детстве, когда он с братьями пробирался в отцовский гарем, чтобы обнести единственную медовую грушу... он зажмурился от переполнявшего его счастья.

Надо будет послать рыжей подарок.

Только хороший.

Евнухи наверняка собрали подходящие, надо просто заглянуть в списки. Или поручить кому из девочек. Кто, как не женщина, должен знать, что понравится другой женщине.

Данияр остановился.

И поморщился.

Мышцы ныли, а вот ногу и вовсе судорогой свело. Надо будет призвать местного целителя, пусть возьмет кровь и определит, чего не хватает телу. Помимо стандартных нагрузок, само собой. Данияр наклонился и потер ногу.

Собственно, именно это его и спасло.

И еще реакция.

Он пальцами разминал одеревеневшие вдруг мышцы,

вспоминая, чему его учили, а заодно и разглядывал темное полотно ковра, на котором то тут, то там поблескивали бледные нити. И даже удивиться успел, когда нити эти пришли в движение, сворачиваясь в белый полупрозрачный клубок пустынной медузы.

За секунду до того, как демоново создание стабилизировалось, Данияр рухнул на спину. Перекатился. И, прижавшись к полу, пополз назад так быстро, как умел. А медуза приподнялась над ковром. Ловчие ее щупальца расплзались, чувствуя близость тепла, на поверхности же появились тончайшие иглы, наполненные ядом.

Если она выстрелит... если попадет...

Уходить.

И ногу больше не сводило судорогой, а мысли сосредоточились на одном – надо выйти из зоны поражения. И тревогу поднять, пока не появился кто-то еще... потом пришло понимание, что коридор этот ведет к его, Данияра, покоям, что по одну сторону его расположен люкс, занятый самим диктатором, а по другую – три полулюкса девочек.

Медуза застыла.

Щупальца ее подрагивали, словно тварь никак не могла решить, стоит ей и дальше ждать или же вернуться в исходное, полусонное состояние.

Данияр выдохнул.

И щупальца взметнулись в воздух. А следом за ними дождем ударили иглы. К счастью, Данияр успел скрыться за

поворотом. Распластавшись на полу, он все же активировал браслет, отправив сигнал службе безопасности.

Сердце колотилось.

Но страха не было, скорее безумная, пожалуй, известная лишь диким его предкам радость заставляла губы растягиваться в улыбке.

На него, Данияра, покушались!

Впервые за двадцать лет правления покушались! И главное, подошли к делу серьезно. Если бы не случайность... всего один шаг, и он бы потревожил ловчие щупальца, а дальше... мелкая дрожь прошла по спине.

Он и вправду мог умереть?

Загудела над головой корабельная сирена.

Мог умереть.

Вот так.

Просто.

Данияр поднялся на четвереньки. Тварь еще шевелилась. Щупальца ее обшаривали ковер в поисках добычи. В стене блестели льдистые иглы, прикасаться к которым не стоило бы.

Молодая.

И иглы выбросила все. Данияр решительно переступил через ловчее щупальце, раздавил второе и, добравшись до медузы, с незнакомым прежде наслаждением всадил ритуальный клинок в гладкое ее тело. Лезвие перерубило нервный узел, и тварь, вяло дернувшись, осела грудой слизи.

Вот так.

Глава 12

К обеду Шарлотта готовилась весьма тщательно.

Она перебрала все наряды, придя к выводу, что все же не стоило оставлять свой гардероб на откуп кухне, ибо, при том что шкаф был забит до отказа, вещей, годных к носке, оказалось в нем не так и много. Право слово, не надевать же полупрозрачные брюки, к которым в пару шла блуза из ярко-розовой ткани, которая меняла свою прозрачность в произвольном порядке.

Мило.

Технично. Но выходить в таком из каюты? Помилуйте... да и светлое платье, на котором Лотта остановила выбор, казалось ей чересчур уж коротким. Если сесть, юбка открывала колени, а вырез... в общем, скрывать что-либо в этом наряде не представлялось возможным.

Бросив последний взгляд на цифровое зеркало, Лотта вздохнула. До Каяра, который в списке миров стоял первым, оставалось чуть дольше суток. Стоянка запланирована на сутки, и времени хватит, чтобы пройтись по магазинам и выбрать что-то более приличное.

Да и с управляющими связаться.

Эта мысль едва не испортила настроение, но Лотта поспешно отогнала ее. Может, она все же ошибается?

Ресторан «Седьмое небо» располагался на самой верхней

палубе. Потолок его и стены покрывала сплошная кристаллическая пленка, на которую транслировали запись эрванского заката.

Впечатляло.

Лотта даже остановилась, заворуженно глядя, как медленно опускается объятые пламенем светило в черные морские глубины. И Предвечный океан, покрывавший всю поверхность планеты, окрашивается алым.

И золотым.

И оранжевым. Воды становились золотом, жидким, живым. А над ним мерцающей пеленой поднимались облака микроскопических водорослей.

Лотта вздохнула.

Посмотреть бы живьем. Но Эрван закрыт для посетителей, слишком уж хрупка его экосистема.

– Добрый день, – раздавшийся над головой голос заставил подпрыгнуть, оступиться, и каблук левой ноги попал в невидимую трещинку, пошел влево, Шарлотта покачнулась, но была подхвачена могучей рукой. – Простите, если снова вас напугал.

– Ничего, – она вернула утраченное было равновесие.

А рука не убралась.

Такая вот... рука... совсем уж рука, ручища даже. Очень себе могучая. Шарлотта не удержалась и пощупала. Исключительно ради впечатлений, а то вдруг она как-то неправильно описывает могучесть мужских рук? На ошупь та была

весьма твердой, будто каменной. Шарлотта даже ущипнуть попробовала.

– Считайте, это месть, – на всякий случай сказала она, хотя прозвучало на редкость неубедительно.

– Я так и понял. Если хотите, можете и ногу отдавить.

Лотта посмотрела на упомянутую ногу и пришла к закономерному выводу, что отдавить ее вряд ли получится, даже если она на этой ноге попрыгает.

– Вас проводить? – когда Кахрай улыбался, выглядел он куда более жутко, чем его застывший в кресле спутник.

– Если вас не затруднит. А то я...

– В первый раз в ресторане?

– В таком – да, – вынуждена была признаться Шарлотта.

В тех, прежних, ее встречали загодя, чтобы препроводить к закрытой кабинке. Те, прежние, рестораны, отличались тихой атмосферой и уединенностью, которая стоила немалых денег, но, как ни парадоксально это звучит, их стоила.

Здесь же...

Столики. Множество столиков, стоящих слишком уж близко, чтобы это было удобно. Друг от друга они если и отделялись, то лишь кадками с деревцами да легкими пластиковыми решетками, по которым расползались декоративные лианы.

Пространство было слишком большим.

Открытым.

И людным.

– Не пугайтесь, – Кахрай протянул руку, а кресло придерживал другой. – Какое у вас место?

– Первая зона. Третье.

– И мы снова соседи, – воскликнул он слишком уж радостно. А еще в этом восклицании Лотте почудилась нота фальши. – У нас первое и второе. Столики на четверых. Идемте, стоит занять место пораньше и сделать заказ, пока кухня относительно свободна. Только на сей раз никаких устриц.

И щека у него дернулась.

– Советую попробовать авердийский суп из брокколи и свежей моркови, – меню Лотта успела изучить, как и составить перечень замечаний. Все же при кажущемся разнообразии, то было не слишком обширным, чтобы соответствовать заявленному уровню. – Он полезен для пищеварения. К нему – овсяные блины, но без крем-фреша...

Она позволяла себя вести, не думая, как это выглядит.

Главное было – выбраться из этого моря людей, которых с каждой минутой становилось больше. Нет, Лотта знала, что ресторан способен вместить до пятисот человек, но одно дело – цифра, пусть и округлая, но безопасная, и совсем другое – видеть эти пять сотен.

Она повела плечами.

А если кто-то узнает? Если кухня ошиблась и... и на нее, кажется, смотрят. Вон та пухлая женщина, которая с трудом устроилась на хрупком стуле.

...Снова недоработка. Мебель должна быть не только кра-

сивой, но и удобной. А эти стулья удобными не выглядели.

– Прошу вас, – Кахрай указал на столик, стоявший рядом с экраном, где над облаками водорослей поднимались существа, одновременно похожие и на рыб, и на медуз.

Он отодвинул стул.

И помог сесть.

Затем убрал еще один, подтянул кресло к самому столу. И только после этого сел сам.

– Значит, суп?

– Суп, – подтвердила Шарлотта. – Овощной. Они весьма полезны после пищевых расстройств.

Брови сошлись над переносицей. И взгляд сделался донельзя подозрительным. Точно так же смотрела вторая гувернантка Лотты, когда подозревала, что воспитанница все же стянула с кухни пару печенек. И точно, как тогда, Лотта поспешно улыбнулась:

– Лазурные устрицы весьма коварны.

– Вы... знали? – голос был мрачен.

И Лотта мысленно прокляла свой слишком длинный язык. Все же бабушка была права. У Лотты категорически не получалось вести себя так, как подобает леди.

– Их надо есть, когда панцирь и мясо приобретут пурпурный оттенок.

– Тогда почему... – Кахрай явно подбирал подходящие слова, – промолчали?

А вот спутник его явно с трудом сдерживался, чтобы не

рассмеяться.

– Я хотела. – Плечи Лотты опустились. – Но бабушка... понимаете, она говорила, что воспитанный человек не должен указывать другим на их ошибки и тем самым ставить в неловкое положение.

Тойтек не выдержал и забулькал.

– Я не хотела поставить вас в неудобное положение.

– Ага... мне зато потом очень удобно было, – впрочем, злости в голосе Кахрая не слышалось. – Суп, стало быть? Его тоже едят как-то... с переподвыпертом?

– Что, простите?

– С переподвыпертом? Ну там, овощи позеленеют, поси-неют, крапинками пойдут, чтоб не отравиться.

– О нет, просто едят. Возьмите кремовый.

– И овсяные блины?

– Именно. Но вам, наверное, стоит двойную порцию...

– А мороженое можно? – Кахрай уставился на нее, и вид у него был донельзя жалобным. – Я мороженое люблю.

– Я тоже, – и Лотта решительно заказала себе двойную порцию клубничного.

В конце концов, у нее отпуск, а форму, подходящую истинной леди, она дома восстановит. Наверное. Почему-то ей все меньше и меньше хотелось быть истинной леди.

Может, потому, что двойные порции – это излишество.

Или потому, что леди не мечтают о закрытых мирах, а если и любят закатом, когда солнце уже почти погрузилось

в воды, а небо почернело, то наедине с собой.

– Подвинься, ишь расселся... – этот визгливый голос спугнул мысль, а на стол перед Лоттой упал поднос, который, впрочем, подвинулся к хозяйке – чрезвычайно тучной некрасивой особе, от которой пахло потом и дешевыми духами. – Помог бы даме.

– Простите? – Кахрай подобрался.

– Глухой, что ли? Помог бы, говорю... а то умаялась, пока нашла. Меню тут? – она ткнула пальцем в стеклянную поверхность, активируя экран. – Ага... что сказать, бедненько, скудненько... мясо наверняка пробирочное, а значит что? Стейки брать бессмысленно, все одно структура будет не та.

– Простите, вы кто?

– Труди, – дама протянула руку и, ухватив Кахрая за пальцы, потрясла. – Я тут с вами сесть решила. А то у вас место свободное, а меня чего-то на самый край отпихнули. Я так и сказала этому ослу-стюарду, что где это видано, чтобы к гостям относились столь неуважительно. А вы, стало быть, мороженку хотите?

Ее шея вытянулась, а кожа на ней обвисла крупными складками.

– Не рекомендую. Сливки тут растительные будут, а вместо яиц и вовсе меланж. Стало быть, нормально не прогреешь. Вкус-то выправят, но все одно не то, не то...

– Шли бы вы...

– Куда? – хлопнули пышные ресницы, роняя куски ту-

ши. – Я ж говорю, переписали меня. Теперь вместе будем. Так что, считайте, вам повезло.

Лотта не сдержала смешок.

– Повезло-повезло, – толстый палец уткнулся в экран, продавливая его, – когда еще вы услышите честное и непредвзятое мнение человека знающего?

Палец медленно пополз вниз, и Лотте показалось, что она слышит хруст экрана. А потому она поспешно поинтересовалась:

– А вы кто?

Дама повернулась и смерила Лотту надменным взглядом:

– Я же сказала. Я Труды. Труды Правдивая. Слышали?

Лотта и Кахрай одновременно покачали головами, а Тойтек что-то пробурчал в своем кресле. Как ни странно, Труды не обиделась, но величественно взмахнула рукой и произнесла:

– Вы, наверное, к миру кулинарии отношения не имеете. Я блог веду. Честные и правдивые отзывы. У меня полтора миллиарда подписчиков...

Объясняться со службой безопасности корабля пришлось долго. Они смотрели так, будто бы Данияр сам подкинул тварь, и вовсе не с целью совершить самоубийство в особо извращенной форме, но исключительно желая нанести непоправимый ущерб имуществу компании.

– Да заплачу я за ремонт! – когда допрос пошел по тре-

тьему кругу, что было совсем уж невыносимо, Данияр не выдержал.

И безопасники моментально подобрили.

Даже извинились.

И попросили быть осторожнее, а еще пообещали передать информацию об инциденте на ближайший из миров, будто это могло что-то изменить.

Идиоты.

Раздражение не исчезло и после принятия ванны. Напротив, вода казалась подозрительно чистой, и запахи солей заставляли подозревать неладное. Злили собственная беспомощность и тот факт, что он, Данияр, позволил этому покушению состояться.

И почти достигь успеха.

– Дорогой, тебе следует успокоиться, – мурлыкнула Некко, забираясь в ванну. На коже ее сверкали капли воды и драгоценные камни, которые она вживила перед отлетом.

И Данияр дернулся.

А ведь кто-то свой... может, она?

Она из почтенной состоятельной семьи. И давно просила разрешения зачать ребенка, но Данияр отказывал. Не готов он был к детям. А если... ведь существуют способы завладеть генетическим материалом.

– Ты просто отвык. На твоего отца покушались семь раз, а на твоего деда и вовсе едва ли не каждый месяц, – в ее руке появилось облако пены, которая легла на плечи. – Ты просто

забыл, каково это...

Ее род почти вырезали в последней войне, в той, которая едва не развалила всю Великую диктатуру. И лишь чудом, не иначе, уцелела младшая жена со своими детьми... правда, после оказалось, что чуда не было, но был преступный сговор, факт которого доказать не удалось.

Как не удалось доказать и того, что прекрасная Ашшари не сама утонула в пруду.

Суровые были времена.

И права она, Данияр расслабился, позволил себе поверить, что в землях его мир и благодать и что всех-то она устраивает...

– Если хочешь, я готова пройти проверку, – она опустилась на колени, и пена поползла по пышной груди, дразня, но притом не вызывая никакого чувства, помимо раздражения. – Любую... если тебя это успокоит.

– И я, – Эрра опустилась на край ванны, слишком маленькой, чтобы вместить всех. И это люкс называется. Страшно подумать, в каких нечеловеческих условиях находятся остальные. Та же рыженькая.

– И я, – мрачно произнесла Заххара и велела: – Неки, вылезай, ему сейчас не это нужно.

Некко подчинилась.

А Данияр позволил себе успокоиться. Значит, не они... но кто?

– Медуз давно уже экспортируют, – Заххара набросила на

плечи подруги пушистое полотенце.

– Медуз?

– Точнее, их яд. Тебе же подавали проект по фермам, где их разводят.

Кажется.

Или точно? Совет вечно какие-то проекты норовит подсунуть, и если в первое время Данияр вполне искренне пытался вникнуть в каждый, то теперь...

Отец оттаскал бы его за уши, а после и выпорол бы так, что Данияр неделю лежал бы лежа, чтобы потом, когда он встанет, отправиться на край мира, в какую-нибудь богами забытую крепость, восстанавливать ее во славу диктатуры.

– Яд используют для создания кремов. И уколов. И сердечных препаратов. Да много где... весьма выгодно... – Неко вытерлась и облачилась в легкое бледно-зеленое платье. Сквозь ткань его поблескивали камни. – Пытались вывезти и разводить, но оказалось, что твари эти только в наших условиях способны размножаться. Впрочем, часть поставляем живыми. В анабиозе.

– И сколько?

– По договору? Да около двухсот тысяч в год, – она легко пожалала плечами. – Но сейчас строится цех переработки, что выгодней, чем платить за перевозку и хранение.

Данияр лишь кивнул.

И выбрался из ванны. Он ощущал себя не просто жалким, но еще и глупым.

– Но все равно кто-то свой... – возразила Эрра.

– Летели только мы, – Заххара стряхнула с рук пену.

– С одной стороны, верно, с другой... Захи, помнишь, ты справку составляла для миграционной службы?

– Сто двадцать тысяч, – ответила Заххара, ловко заплетая волосы в косу.

– Что «сто двадцать тысяч»? – Данияр позволил раздражению прорваться наружу. Выходит... они все знали.

Про фабрику.

Миграцию.

Про что еще?

– Около ста двадцати тысяч граждан диктатуры ежегодно покидают планету, – миролюбиво отозвалась Заххара. – Кто-то на учебу, кто-то на работу, большей частью в подконтрольные нам компании, но иногда и просто так. Также ежегодно возвращается около ста тысяч, но во многом это временное возвращение. Мужчины ставят дом, покупают жен, а потом вновь отправляются на заработки.

– Им дома мало?

– Не то чтобы мало, но... с одной стороны, конечно, возможностей стало больше, – Заххара подала нижнюю рубашку, от которой Данияр отмахнулся.

– Штаны дай. И что-то нормальное, а то хожу здесь...

Спорить не стали, молча подали комплект из свободной туники и необычайно мягких брюк.

– Так что там не так?

– Все так. И все же... мы приближаемся к экономическому плато. Рост экономики замедляется, а внутренние ресурсы если не полностью исчерпаны, то весьма к тому близки, – Некко подхватила длинные волосы Данияра, завернула их в мягкое полотенце. Так и вышли в каюту. – Основная ставка сделана на туристическую сферу. И интерес держится. Во многом благодаря усилиям вашего дяди... и не только его. Но туризм, как показывает опыт, это не совсем надежно...

Все трое опустились на подушки. И Данияру пришлось тоже садиться.

– И многие это понимают, – Некко положила руки на колени, смотрела она мягко, кротко и, как показалось, с жалостью, что было совершенно недопустимо. Данияр нахмурился, но это не подействовало. Его возлюбленная одару лишь головой покачала, сделавшись в этот момент до боли похожей на наставника, которого Данияр в очередной раз расстроил. – И ищут альтернативные источники доходов. Те же фермы медуз... но беда, что они во многом механизированы и не требуют привлечения человеческих ресурсов. Да и мало кто хочет идти работать со столь опасными тварями. Одно дело – плясать для восторженных туристов и устраивать мнимые схватки, а другое – всерьез рисковать.

Эрра кивнула.

И Заххара присоединилась к ней.

Заговор? И что Данияру с ним делать?

– С третьей стороны, геологоразведка, которую проводи-

ли при вашем деде, да примут боги душу его, – Некко почти-тельно склонилась, коснувшись раскрытыми ладонями пола, – утверждает, что в пустыне сокрыто много ценного, особенно близ Канейских гор. Там по всем косвенным признакам имеются залежи артнидия, а его, как вы знаете, в природе мало.

Данияр кивнул.

Хотя он знать не знал, что за артнидий такой. Потом в сети посмотрит. Осторожненько. Ибо не к лицу диктатору и Познателю Сущего пользоваться поисковыми системами.

– Разработка месторождения даст весьма серьезный доход. Но вы объявили горы заповедником.

– И поэтому меня надо убивать? – проворчал Данияр.

– Тот, кто займет ваше место, может быть куда более стоворчивым.

– Мне отец завещал.

Прозвучало так, будто Данияр оправдывается.

– Мой батюшка... если будет позволено сказать, – Некко провела ладонями по лицу, – был уверен, что это сделано, дабы сохранить наш мир пусть не в том виде, что достался нам от предков, но в весьма к нему близком. Ибо даже самые щадящие разработки оказывают на биосферу весьма разрушительное воздействие.

Это да.

Это возможно. И главное, на правду похоже.

– Многие знали, что вы желаете нанести визит брату сво-

ему, – Эрра выставила точеную ножку и теперь шевелила пальчиками. На каждом поблескивал лунный камень. Щиколотку дважды обвиняла тонкая цепочка, весьма невзрачная с виду, но стоившая едва ли не больше, чем весь драгоценный узор на коже Некко. – Информация, конечно, значилась как закрытая, но, сами понимаете, сборы не могли не остаться незамеченными.

Данияр кивнул. И закрыл глаза, когда головы коснулись мягкие руки Некко.

– Вычислить маршрут не так и сложно, – продолжила Эрра свою мысль. – Медузу... тоже не проблема, если есть доступ на ферму. Жаль, нельзя образцы отослать, там давно уже определенные линии выращивают, по генетическим маркерам можно было бы определить, она им принадлежит или это дикарь. Конечно, обращение требует определенных навыков, но тоже не сказать чтобы запредельно сложно.

Данияр позволил заплести себе косы.

И поднялся.

Вздыхнул. Взглянул на своих женщин, которые молчали, делая вид, что совершенно точно не имеют отношения к нынешнему разговору. И лишь Эрра проворчала:

– Не шлялся бы ты по кораблю в одиночестве...

Кивком подтвердила согласие с ней Заххара, а Некко заметила:

– Если нравится кто, лучше сюда приводи...

Все трое кивнули.

И вот что с ними делать?

Данияр поднялся и, обозрев гарем, сказал:

– Прятаться я не собираюсь.

По глазам было видно, что решение это восторга не вызывает.

– Завтракать пора, – первой поднялась Эрра мягким текучим движением. Так двигается медная гадюка, хозяйка Дальних песков. – Как понимаю, мы идем?

На тонком запястье зазвенели браслеты, аккурат что чешуя гадючья.

Глава 13

Труди говорила.

Много.

Кахраю казалось, что толстая эта женщина в принципе не способна молчать, что молчание каким-то образом разрывает ее изнутри, вынуждая распахивать накрашенный алой помадой рот. Она извергала слова, взмахивала руками, распространяя вонь духов и тела.

– И я вас спрашиваю, кто кладет сырой кирранский орех в мясную начинку?! – возмущение ее было столь искренним и ярким, что Кахрай от души посочувствовал человеку, совершившему – кто бы мог подумать? – столь непростительную ошибку. – А вот это?

Она ткнула вилкой в нечто небольшое, округлое и осклизлое, к чему Кахрай по доброй воле не притронулся бы.

– Разве это похоже на диержские арборини?

– Не знаю, – вынужден был признаться Кахрай, который понятия не имел, как именно должны выглядеть упомянутые арборини.

– Я вам скажу! Они думают, что смогут обмануть нас! – Труди ткнула вилкой в шарик, но тот крутанулся, брызнув желтоватым соусом, более похожим на слизь куманского осьминога. – Это мировой заговор производителей полуфабрикатов!

– Ужас какой, – сказала Шарлотта, наматывая на вилку что-то длинное и напоминающее волосы.

– Именно. Вот вы когда-нибудь задумывались над тем, что едите? Насколько современная еда далека от исторических традиций?

Тойтек прикрыл глаза.

Он, медленно поглощавший белково-минеральный коктейль, был избавлен от необходимости поддерживать застольную беседу. И Кахрай от души ему завидовал.

– Не представляю.

– Вот! И никто не представляет! – Труды все-таки загнала комок теста в угол и с немалым наслаждением проткнула вилкой. Слегка встряхнула. Уставилась так, будто ожидала от несчастного арборини подвоха, но отправила-таки в рот. Алые губы раскрылись. И сомкнулись. Вытянулись. Дернулась щека. Глаза закатились. И Кахрай подумал, что, может, несчастная таки рухнет в обморок.

Не повезло.

– Ужасно, – произнесла Труды с чувством огромного внутреннего удовлетворения. – Они использовали мьельский шпинат вместо массажского и сливки растительные. А еще...

Лотта беззвучно вздохнула.

И отложила вилку.

– Спасибо, – сказала она, поднимаясь. – Кажется, я уже сыта...

– Напрасно, – Труды с необычайным вдохновением пере-

жеывала оставшийся комок. – Ты ж десерт не пробовала.

– Обойдусь.

– И зря. Женщина должна есть. Когда женщина ест, она счастлива. А счастливая женщина радует окружающих!

Судя по собственным объемам, Трудю окружающих очень радовала.

Кахрай тоже поднялся.

– Мы вас проводим.

– Спасибо, но...

– Милочка, – Трудю подвинула к себе следующую тарелку, – не отказывайтесь. Мужчины – существа пугливые, один раз откажете, в другой не рискнут предложить. А этот вроде ничего, крупный и ест много.

– А это важно? – оживилась Шарлотта.

– Конечно, – Трудю смотрела с тем чувством собственного превосходства, которое со временем появляется у женщин опытных, не единожды столкнувшихся с несправедливостью мира и всецело познавших его сложность и глубину. – Это ж еще наши предки знали. Кто ест, тот и работает, так они говорили. Меня еще бабушка моя учила. Так и говорила: Трудю, коль мужик в тарелке еле-еле ковыряется, то и в койке ковыряться станет, а уж чего там он наковыряет, то одним богам известно... А этот вроде ничего. Крупненький.

Кахрай ощутил, что краснеет.

Совершенно бестолково и, главное, бессмысленно.

– Ишь, и стесняется, – почти умилилась Трудю. – Идите

уже, а я на кухню загляну... побеседую, чтоб обед нормальный подали...

– Вы к себе? – поинтересовался Кахрай.

А Шарлотта пожала плечами. Она совершенно не представляла, что делать дальше.

То есть цель у нее имелась.

Но вот только цель и... и наверное, стоит прогуляться, присмотреться, познакомиться с иными кандидатами, список которых Лотта составила, но теперь испытывала некоторые сомнения в возможности его реализации. Лайнер оказался слишком большим, чтобы надеяться на случайную встречу.

– Я, пожалуй, в оранжерею, – решила Лотта. – Пишут, что здесь отличная оранжерея...

Поддержание которой обходилось в весьма круглую сумму, что было вовсе не понятно, ибо на оранжерею в поместье, занимавшую втрое большую площадь, уходили куда меньшие деньги.

– Вы не будете возражать, если мы составим вам компанию? – поинтересовался Кахрай.

И улыбку изобразил.

Как-то у него... не очень получилось. А с другой стороны, помнится, в «Печальном воителе» герой тоже был суровым воином, весьма далеким от понимания того, как следует правильно ухаживать за девушкой. Он мучился, не находя слов,

чтобы рассказать о своих чувствах к прекрасной Мередит, и лишь случай помог ему открыться. Лотта искоса посмотрела на человека, пытаясь понять, мучается он влюбленностью или пока не осознает ее? Или ему просто-напросто скучно? Но так ничего и не решила. А потому пожала плечами и сказала:

– Буду рада. Я еще не очень хорошо ориентируюсь здесь. Ответом стал весьма сдержанный кивок.

А оранжерея и вправду впечатляла.

Лотту окутал горячий влажный воздух, моментально пропитавший легкую ткань ее блузки. И эта блузка разом прилипла к телу. По спине потекла струйка пота, и стало как-то неловко. Впрочем, неловкость эта длилась недолго.

Где-то вверху зашипели скрытые в зарослях распылители, выпуская струи влажного тумана, что оседал на зеленых листьях россыпями мелких капель. Они собирались в капли крупные, а те сливались в водяные нити, которые уже тянулись вниз. И листья вздрагивали, приходили в движение, что отдавая эту украденную влагу, что принимая ее. Тут же тихо зашипели воздушные пушки, рождая теплый ветер, который сорвал горсть ярко-красных лепестков, закружил и осыпал Шарлотту с ног до головы.

Лепестки пахли мятой.

Лотта сняла один.

– Ильванский колокольчик, – заметил Кахрай, указывая куда-то в хитросплетение лиан, что поднимались по стене,

укрывая ее плотным ковром. Влажные стебли их походили на змей, и чешуя мелкой коры лишь усугубляла сходство. – Крайне капризное создание. И цветет редко. Нам повезло.

Запах изменился. К мятным ноткам добавился едва ощутимый аромат ванили.

– Смотрите, вон там...

Они стояли на узком мостике, что протянулся над зеленой живой бездной. Где-то внизу покачивались огромные листья, напомнившие Шарлотте уши огромного слона. Сквозь дыры в них торчали хрупкие хлысты, покрытые рыжим пухом, который то поднимался, то опускался, меняя узор. Карбкались выше вьюнки, медленно поднимал корявые ветви кристаллический аморфник, который в оранжерее Лотты никак не желал расти, а здесь, вот удивительно, вполне неплохо себя чувствовал. Во всяком случае, кора его обрела характерный зеленоватый отлив, а значит, вскоре и вовсе растрескается на сотни мелких кристаллов.

– Ниже, ниже... – Кахрай вдруг оказался рядом.

Слишком близко.

А запах вновь изменился. И уже не мята и ваниль, но что-то куда более тяжелое, заставляющее кровь приливать к щекам.

Или не запах виноват?

– Вон там, – он повернул ее и не отступил, остался рядом, что было почти неприлично. Зато Лотта увидела полупрозрачные, будто стеклянные цветы, что прорастали прямо на

мясистых листьях неизвестного растения. – Если уменьшить интенсивность освещения...

Будто прислушавшись к Кахраю, одна за другой лампы медленно гасли, позволяя глазам привыкнуть к темноте. А цветам подняться.

Разворачивались хрупкие стебельки. И лепестки обретали плотность. Они раздвигались, выпуская ряд за рядом. И самые первые окрашивались в бледно-розовый цвет, который на глазах темнел, насыщался, становясь то алым, то бордовым.

– На родине их называют цветком влюбленных, – Кахрай так и не убрал руки, положив их на плечи Лотты, и... и это, пожалуй, было приятно. Нет, не настолько приятно, чтобы, потеряв голову, упасть в пучину страсти, но... теплые.

Надежные.

– Там верят, что расцветает он лишь там, где зарождается любовь.

И вздохнул.

В ее волосы.

Вот и как это понимать? Уже намеком? Или просто? Если любовь зарождается, то откуда он знает, что она зарождается? Все женские журналы, которые Лотта пролистала перед поездкой, утверждали, что в вопросах любви мужчины на редкость беспомощны. И толстокожи. И вообще, это им надо говорить, что там у них и где зарождается.

В носу зачесалось.

И Лотта чихнула, окончательно разрушив очарование момента. А Кахрай руки убрал. И отступил.

– Его цветение длится всего несколько минут, но стоит того, чтобы им любоваться.

Цветы, теперь не выглядевшие ни крохотными, ни хрупкими, покачивались на тонких, что проволока, стеблях. И слабо светились. А поскольку в полумраке стебли было разглядеть презатруднительно, то казалось, будто тяжелые кроваво-красные венчики парят в воздухе.

Но вновь вздохнули воздушные пушки, и вихрь сияющих лепестков – один в один драгоценные камни – поднялся, закружился, увлекаемый потоком, спеша окружить Шарлотту.

– Их влечет тепло.

– Цветы?

– Это не совсем цветы, – теперь ей было сложно разглядеть Кахрая, он кажется огромной тенью, таким ожившим сгустком тьмы. – Скорее, здесь имеет место симбиоз цветка и микроскопических водорослей, которые освобождаются в очень влажном воздухе, чтобы организовать новую колонию. А уже та выращивает цветок из генетического материала, сохраненного клетками водорослей. В неблагоприятных условиях те могут впадать в спячку, а спячка длится годами.

Лотта коснулась бледного лепестка, который стремительно погас.

– Знаете, недавно мне один человек сказал, что объяснения напрочь убивают чудо. И кажется, я понимаю, о чем

речь, – ей совершенно по-детски хотелось ловить эти лепестки, собрать их вместе и создать... что-нибудь волшебное.

Корону?

Или платье?

Помнится, кухня на прошлое Рождество появилась в удивительной красоте платье из живых альевранских водорослей. А потом пришел счет.

И кредитную карту пришлось заблокировать.

Может, поэтому она и обиделась? Или не поэтому, а из-за отказа Лотты повысить кредитный лимит? Или из-за брачного контракта, расстроившего свадьбу? И тогда все казалось правильным, и даже удивительно было, как другие не понимают этой вот правильности, но теперь Лотта с сожалением признала, что, возможно, была не права.

Чудеса... чудеса ведь важнее денег.

– Извините, – кажется, Кахрай смутился.

– А вы... разбираетесь в цветах?

Его спутник сидел тихо, да и свет почти погас, будто система чувствовала настроение гостей. И странно лишь, что больше в оранжерее никого нет, что на узком этом мосту лишь она и Кахрай, и... и наверное, его подопечный не в счет.

– Нет, – он толкнул кресло. – Просто пришлось служить там, где они растут. На самом деле в сезон цветения приходится носить респираторы. Обычные фильтры не справлялись. Выяснилось, что в легких для этой погани тоже вполне

себе подходящая атмосфера.

Лотта поспешно убрала руку.

Как-то красота цветов несколько поблекла. Сзади раздался смешок.

– Не стоит опасаться. Здесь наверняка в воздух добавляются биоблокаторы. Никто бы не стал рисковать здоровьем гостей. Да и случалось такое редко...

Пускай. Желание экспериментировать все одно пропало.

– А что вы делали на Ильване?

– Служил.

Весьма обтекаемый ответ. И будто чувствуя, что этого Лотте мало, Кахрай продолжил:

– Там еще в прошлом веке военную базу построили. Когда-то по Ильвану проходила граница Созвездия, но теперь это скорее просто управляющий центр. Следим за порядком в регионе. Да и спасательные работы опять же... там Шаммейский метеоритный пояс, добыча активная. Вот порой и случается.

– Авария на Шоссе?

– Слышали?

Потеряла несколько миллионов вместе с почти новым заводом, который пришлось отстраивать едва ли не заново. Да, страховые выплаты покрыли реконструкцию, но вот компенсации пострадавшим выплачивались из семейных фондов.

Тетушку, помнится, сей факт несказанно огорчил. Она все пыталась убедить Шарлотту, что суммы можно снизить,

а если доказать, что случилась авария по недосмотру сотрудников комплекса или тем паче, по преступной халатности... И даже бралась найти тех, кто докажет факт этой халатности.

Лотта покачала головой.

А может, не в кухне дело? Она ведь не злая. Она веселая и взбалмошная, и единственная, кто видел в Лотте живого человека. Во всяком случае, так казалось. Вот тетушка – дело иное. Тетушка Лотте всегда была неприятна. И неприязнь эта, чего греха таить, была взаимной.

– Тогда жарко пришлось, – Кахрай медленно толкал кресло, и оказалось, что на мостике вполне хватит места двоим. – Многих так и не нашли...

И со страховой компанией пришлось воевать, чтобы признали факт смерти и выплатили семьям страховку.

– Что там произошло на самом деле?

У Лотты были отчеты.

В том числе и спасательной службы, но были они какие-то... слишком уж одинаковые, будто подсмотренные друг у друга. А главное, собственная служба безопасности настоятельно порекомендовала не вникать в детали.

И Шарлотта совету вняла.

В конце концов, тогда ей было девятнадцать и она только-только осваивалась с новой для себя ролью.

– Если, конечно, вам можно говорить... – она все же отступила на шаг, чтобы полюбоваться белыми звездами лилий, которые одна за другой поднимались над черной без-

дной воды.

– Уже можно, – Кахрай тоже остановился. – Теракт.

– А разве?..

– Есть, конечно, – ответил он на невысказанный вопрос. –

Увы, сколь бы прогрессивным общество ни было, всегда найдутся те, кто точно знает, каким оно должно быть на самом деле...

Это все колокольчики виноваты.

Их аромат, который дурманил и пьянил, хотя как раз таки к алкоголю Кахрай был невосприимчив. А вот колокольчики... люминесцирующие лепестки в рыжих волосах.

И на коже.

И на блузке, что оказалась почти прозрачной, хотя Лотта этого и не замечала. Или, скорее, делала вид, что не замечает. Лепестки ложились на кожу и таяли, оставляя тусклый свет, и казалось, что светиться начинает сама девушка. Ее хотелось потрогать.

Даже не так.

Ее хотелось.

И потрогать в том числе.

Кахрай вцепился в спинку кресла, тихо радуясь, что он здесь не один. Проклятье... а там, на базе, в сезон цветения, конечно, здорово пахло, и всем по-разному. Кому-то бражкой, кому-то вином, еще кто-то утверждал, будто запах апельсиновый или вот духов, причем однажды нашлись иди-

оты, что сцепились, споря, каких именно духов... потом-то и велено было респираторы использовать.

Надо было бы...

Или нет? Хороша романтика. В респираторе.

– Там на самом деле глупо донельзя вышло, хотя глупость в итоге большой кровью обернулась.

Она чуть отстала, остановилась, сложив руки на высоком бортике и глядя вниз, на черную воду и белые цветы.

– Группа активистов выступала против расширения горной добычи. Сперва проводили онлайн-митинги, сборы подписей. Устраивали флешмобы в поддержку. Потом кому-то показалось, что этого недостаточно.

Лицо Шарлотты скривилось, будто она вот-вот заплачет.

– И ребята решили устроить небольшую диверсию. На их беду, они оказались в достаточной мере образованными и талантливыми, чтобы получилось... как получилось.

Та история осталась в памяти огненным кольцом, в котором медленно истаивали остатки защитного купола.

– Кто-то разработал схему взрывного устройства. Кто-то добыл пакеты со стаб-взрывчаткой.

Шарлотта кивнула.

– Кто-то сумел пробить систему и подключиться к ней. Они вошли. Оставили заряды. И ушли. А потом отдали приказ...

Они плакали.

Каялись.

Кричали, что это во благо всего человечества, что именно жертвы и привлекают внимание к проблемам...

– Там ведь просто астероидный пояс, – тихо произнесла Шарлотта и оглянулась, будто пытаясь найти поддержку. – Ни тени жизни. Разведка была полной. И добыча велась давно. Завод тоже поставили задолго до... и купол при нем. Многие ведь с семьями переселялись. Потом, после реконструкции и расширения.

– Они не хотели никого убивать. Не подумали просто, что заряды сдетонируют одновременно. И что совокупной силы хватит, чтобы повредить блоки ядерного синтеза. Что на складах сжиженный газ, в том числе и кислород. Что купол жилого сектора не рассчитан на подобные нагрузки... да ни о чем они не думали.

Кахрай стиснул кулаки. Сколько лет прошло, а надо же, память еще жива. И боль. И непонимание, и не только у него, но и у остальных, кто решил спуститься. Приказа не было. Добровольно.

На свой страх.

На совокупный риск.

И ведь жребий бросать пришлось, выбирая, кто останется, потому что оставаться никто не хотел. Понимали...

– Двести семьдесят шесть человек, – очень тихо произнесла Логга, отворачиваясь. – Двести семьдесят шесть... просто потому, что не подумали?

– Да.

Надо же. А ведь число точное. И откуда знает? В новостях говорили о десятках пострадавших, но точную цифру никто не называл.

– Повезло, что жилой сектор перестроили незадолго до аварии. Хотя и не полностью.

Шарлотта вздохнула так, будто это она была виновата.

– Часть переборок уцелели и даже сохранили герметичность. Собственно, там и спаслись...

Раненых почти и не было, разве что по мелочи. А в остальном...

– Мы трижды спускались. В последний раз вывозили вдвое больше, чем положено, но... фон стал слишком уж жестким, защита и та не спасла бы. Да...

– Значит, вы герой? – поинтересовалась она.

А Кахрай лишь плечами пожал. Герой? Вряд ли... просто работа такая. Была.

– А что с ними стало? С теми, кто...

– Двое повесились. Один свихнулся. Сказали, что без шансов. Проходит реабилитацию. А главаря судили.

Наглый пацаненок, искренне уверенный, что ничего-то ему не сделают, ведь у него и отец, и дядя в Совете Созвездия, а стало быть, как обычно, поругают, может, запрут на месяцок в родовом поместье, и только-то. Он и держался этак снисходительно, так, что хотелось разбить наглую его рожу.

И слова цедил сквозь зубы.

И в приговор, кажется, не поверил. А когда поверил... впрочем, апелляции, насколько Кахрай знал, ничего не изменили.

– Двадцать лет – это не так и много, у других он больше забрал. С другой стороны, на Химере и пять лет не всякий продержится.

Она кивнула, будто знала, что это за мир. А может, и знала. Может... нет, скорее всего, совпадение. Химера – билет в один конец, и никому-то не получалось сбежать оттуда.

– Спасибо, – Лотта отступила от края.

– За что?

– За правду.

– А у вас кто-то там... погиб?

– Разве что семейное имущество. Но это ерунда, – она вновь шла рядом, почти касаясь его плеча, а когда положила руку на спинку кресла, Кахрай подвинулся.

И насторожился.

Это их и спасло.

Он услышал, как едва слышно вибрирует натянутая нить и стонет металл, раздираемый невидимой силой. Он успел схватиться за кресло и отступить за долю секунды до того, как мост просел.

– Что... – Лотта тоже сделала шаг назад.

И в кресло вцепилась.

А в следующее мгновение мост просел еще сильнее. Скрип же сделался оглушительным. Что-то лопнуло. Щелк-

нуло. И над головой пронесся трос, чтобы утонуть в зеленой стене.

– Прыгай! – рявкнул Кахрай.

Мост перекосило.

Он еще стоял, но поле, поддерживавшее конструкцию, отключили, а сама она оказалась или слишком старой, или...

Кахрай перекинул кресло через поручни, благо поле отключили и здесь.

– Что вы...

Шарлотта оказалась легкой. Она только и успела, что пискнуть. И вцепиться в Кахрая обеими руками, как лемарнский муран в мамашу. Мост захрустел.

И посыпался.

– Глаза закрой. Будет мокро, – Кахрай шагнул с края в темноту, пытаясь прикинуть, сколько здесь метров. Выходило не так и много. И вода болезненно ударила в пятки, раздалась, принимая его и смыкаясь над головой.

Вывернулась Шарлотта, оттолкнулась и поплыла, поднимая в темноте облака ила, а ноги коснулись-таки дна. И Кахрай рывком пробил толщу воды.

Оглянулся.

Отметил, что чудо-кресло спокойно покачивается аккуратно между белоснежными лилиями, которые в ближайшем рассмотрении оказались огромными и довольно-таки уродливыми.

Вот левее между лилиями показалась мокрая голова Шар-

ЛОТТЫ.

– Ныряй... – велел Кахрай, уходя под воду.

Мост продолжал рассыпаться.

Медленно. Словно нехотя. Он ронял куски металла, и если одни повисали на тросах, то другие долетали до земли, пробивая толстую зелень. Впрочем, что-то загудело. Завыла сирена.

Под водой звук был вязким.

Вспыхнули огни, высвечивая и лилии, и ил, и Шарлотту, что старательно пыталась удержаться под водой. Ее щеки раздулись, а волосы расползлись рыжими змеями.

И Кахрай не выдержал.

Рассмеялся.

Глава 14

Тойтек, конечно, знал, что его собираются убить. Но все же надеялся, что способ выберут более интеллигентный.

Яд там.

Удушение.

Или кинжал в духе традиций старой Британии. Отравленный кинжал тоже сгодился бы. А они... кресло загнуло и окуталось мерцающим пологом силового поля. Разросшийся мох отвердел, надежно фиксируя Тойтека внутри. И ему оставалось лишь наблюдать за величественной картиной разрушения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.